

ФЛР-22

Рассказы 2 группы (Правыя).

Условны й номер в группе	Название рассказа
1	В обличье мудром и прекрасном...
2	Презент для Панчина
3	Голос разума
4	Три белых коня
5	Губители
6	Бессмертная партия
7	Берегись чёрных глаз
8	Тесный мир
9	Крафтовик

1. В обличье мудром и прекрасном...

Я не знал, когда ко мне пришло осознание себя как личности, отдельной от окружающего мира. Может, на прошлых выходных, после очередной (которой по счету?) рабочей недели, когда мы всей нашей пятёркой собрались в Комнате отдыха.

Помню привычную обстановку: телевизор с давно потухшим экраном, тот же обеденный стол и маленький диван, вокруг которого и собралась наша смена – пятеро рабочих.

Но воспоминание – не есть осознание. Животные, вроде бы даже собаки, не отделяют себя от окружающего мира. Об этом спорном утверждении мне довелось как-то прочитать в одной из книг... или на сайте. Стоп, что такое сайты? И когда я еще успел читать книги – из образованных, что ли?

Но сейчас не об этом, всё равно мы ничего сразу не вспомним.

Как сказал старший по смене Номер Девять, мне лишь надо прилежно записывать в тетрадь впечатления от нынешней работы в шахте, коли мы ничего не помним о прошлой жизни: не ранее минувших выходных. Надо ждать, пока в нас пробудится память. А для этого нам нужно неустанно работать над собой, усиливать осознание своих действий.

Итак, я помню себя в прошлую субботу, но смутно, как в три или два с половиной года... Стоп, неужели у меня уже появились воспоминания о раннем детстве? Номер Семь об этом еще в среду говорил – во время перекура в коридоре на Третьем уровне. Сняв оранжевую каску со вспотевшей головы, кучерявый мужчина моих примерно лет, твердил несколько фраз: «Меня мама в садик на санках как-то повезла. А снегу навалило! Весь транспорт встал, а садик минутах в пятнадцати от дому – а мы смеемся, нам по барабану.

Номер Три тогда воскликнул: «А что такое транспорт?» Кроме проходческих автоматов, никакого транспорта в шахте мы не видели.

Номер Семь однажды догадался: «А как мы этими тележками управляем, если ни черта не помним о себе?». Забегая вперед, скажу, что ответ на этот вопрос мы нашли в выходные, когда Старшой

(он же Номер 9) приказал мне вести дневниковые записи – в общую тетрадь. Бережно вынимая ее с полки в буфете и опуская на обеденный стол, покрытый старомодной клеенкой, я заполнял серые страницы, покрытые синей школьной клеткой.

Почти все рассказывали обрывки воспоминаний о прежней жизни (пока о детстве), и лишь Номер Пять (он же Малой) – записывал отчёты о каждодневной работе оператора автоматического проходческого щита. Он ничего не мог вспомнить о жизни до того, как мы попали на шахту. Несмотря на еще меньший объем знаний, он в чем-то превосходил остальных трёх моих коллег.

- Когда я был маленький, - сказал Малой в обед на перекрестке пяти коридоров, – я сразу встал за эти автоматические тележки. Потому, кроме этой шахты мне нечего вспомнить.

- Погоди, - спросил Третий, вороша пятерней сидящие волосы – а тебе сколько лет тогда было?

- Наверно семь. Читать уже умел.

Старшой возмущённо возразил:

- До семи лет ты уже где-то жил, и явно не здесь! Ты не успел вспомнить, Малой!

- Наверно, - беспечно ответил юноша и продолжил. - Итак, качу я тележку, - а ручки-то едва достают до манипулятора. Ну вот я и думал тогда, что кнопка – та, что спереди по центру, означает «Вперёд!».

- Так она, в самом деле, означает «вперёд», - заметил Номер Семь.

- Погоди, дай досказать, - отмахнулся от него Малой, - Я в ту пору едва грамотой овладел. Только-только азбуку, видать, выучил. Ну и, стало быть, писал, как слышал. Да и читал неправильно. В общем, думал, что буква F на манипуляторе означает «Фперёд!».

- Чего? - вскричал Старшой и зашёлся в приступе хохота – да так, что ударился сзади головой о неровную каменистую стену туннеля. От, небольшого, но сотрясения его спасла каска - в отличие от нас, Девятый не снял каску – Старшой, по сути, и не был старшим, а таким же рабочим как мы. Скорее, он являлся нашим неформальным лидером, поскольку все

команды о работе исходили не от него; но об этом, как и было обещано, чуть позже.

- Ну а ты, Первый, чего молчишь? - наш Старшой обратился ко мне. — Всё я, да я. Давай-ка девятый с другого конца пусть всем о себе расскажет.

И трое в полутьме старого забоя ухмыльнулись почерневшими от пыли лицами.

- Я знаю английский. F – это Forward, что и означает «вперёд», - сказал я то, что и так наверняка знали все.

Тем не менее, Седьмой ехидно заметил:

- Откуда такая информация? Из образованных что ли?

И все четверо моих коллег брызнули со смеху: Старшой давился хохотом, Третий, как всегда, смеялся сквозь почерневшие зубы, Седьмой – зачинщик этой шутки, давил из себя искусственный смех. А Малой (кстати, если он самый молодой, отчего не первый или девятый?) – наш Пятый слегка улыбался, сочувственно смотря на меня. Как самому маленькому – и по росту, и по возрасту, ему чаще доставалось насмешек, чем другим в нашей пятерке, и даже немного больше, чем мне. Но парень-то он был не злой, потому и не поддержал общий хохот, и даже не скрывал жалости ко мне, единственному, как видно интеллигенту в этой компании полных склеротиков. Я, впрочем, не был исключением по части тотальной амнезии. Но манеры, словечки из определённого лексикона, выдавали во мне «шляпу». Жаль, что я оказался именно таковым. Хотя кто знает, кем я был до потери памяти? Может даже начальником?

Наступили третьи выходные, как я стал вести записи в общую тетрадь. Итак, наша пятёрка нечётных номеров рабочих Третьего уровня, уже знала:

1. Четверо из нас начали приходить в сознание около месяца назад. Номер Пятый вроде помнит себя раньше, но знает немногим больше – и то исключительно про работу в этой шахте.

2. Мы находимся в глубокой шахте, откуда на отдых и ночёвку мы не выходим на поверхность. Все окна Комнаты отдыха и наших одиночных кают (всё вместе – База, в отличие от рабочих коридоров и штолен) закрыты плотными белыми жалюзи. Попытка расковырять их не привела ни к чему: похоже на космические технологии со сверхпрочными сплавами, либо пластиком. Это композитные материалы, предположил я.

3. Наши начальники незримы. Но мы получаем команды от них прямо в наш мозг, минуя слуховой канал восприятия.

4. До момента «пробуждения» мы трудились здесь, самое малое, месяцы, если не годы (относительно Малого, последнее предположение о сроке работы – факт).

Мы послушно выполняли работу по бурению новых коридоров в толще породы. Точнее, сверлят породу наши автоматические тележки – маленькие проходческие щиты. Мы лишь нажимаем на кнопки. На старых заводах из прежней жизни, таких рабочих называли в шутку кнопкодавы.

5. Никакого высокотехнологичного оборудования кроме наших тележек, на Базе нет.

Ежедневно, кроме выходных, мы едем каждый на своей на тележке: от Базы к забою по нами же проложенному тоннелю – и вечером обратно до своих кают.

6. В любое свободное от работы время мы можем собираться в Комнате отдыха. Там кроме сломанного телевизора, нет никаких приборов, не считая бытовых: электроплитка, чайник, холодильник и микроволновая печь. Но они нам ни к чему. Всю пищу каждый номер получает в персональном пищепроводе в своей каюте. Еда как у космонавтов в тюбиках. Ее не надо подогревать и разжёвывать: вся пища стерильная, жидкая и очень калорийная. Не то чтобы особо вкусная, эта бурда быстро отбивает аппетит. Все выбрасывают тюбики в мусоропровод недожатыми даже до половины.

Каждая каюта благоустроена, так что в выходные и по вечерам мы можем, при желании, не выходить за ее пределы – и, по всей видимости, так и делали (или как раз ничего не делали в часы досуга, кроме тренировок на беговой дорожке), пока не пришли в сознание.

Как стали людьми, мы принялись устраивать посиделки и чаепития в Комнате отдыха. Никаких мысленных запретов на такой образ жизни мы не получали. Оставалось обязательным лишь вовремя выходить на работу и вовремя с нее уходить.

Каждую смену четыре раза в день я слышу голос внутри черепной коробки: «На работу!», «На обед!» Снова «На работу!» (в конце обеденного перерыва). И вечером (если в этом подземелье уместно понятие вечера) – «В каюту!»

Кстати, после работы мы хотя бы на пять минут забегаем в Комнату отдыха – отчитаться об изменениях в нашей памяти перед Старшим.

В следующую субботу я сидел во главе нашего небольшого стола, три стороны которого как обычно занимали Третий, Седьмой и Старшой.

- Мы помним только детские воспоминания. Так значит, что-то случилось в начале девяностых годов, что не даёт нам помнить взрослую жизнь. Малой, – я посмотрел на паренька, которому досталось место на диване, – наш Малой целиком вырос после девяностых, потому и не имеет никаких воспоминаний, даже детских.

- А почему ты пишешь, словно в начале двадцатого века живешь? – резко оторвал меня от тягостных раздумий Седьмой.

- Сударь, что за высокий штиль? – съязвил Старшой.

- Вроде наш – про сайты писал едва ли не в первой записи, – поддакнул Третий.

- Дак он же из образованных!!! – догадался сострить Седьмой, и дружный хохот над старой шуткой сотряс нашу подземную Базу.

***

«Я видел, как Рита медленно уходила прочь к такси по тонкому мартовскому снегу. Она обернулась и протянула руку на прощание. Я сжал ее ладонь и долго мял ее в своей руке, мечтая обнять эту женщину за

плечи, но не мог, имея в виду ее друга, уже усевшегося рядом с водителем. Я хотел броситься следом, чтобы умолять остаться, но не смел этого сделать.

Вернувшись домой, меня мучила досада. Чтобы сбить это, наверное, самое мучительное чувство в мире, я за вечер четыре раза выходил в магазин.

Если бы я позвонил Рите хоть вчера! Да нет, хотя бы сегодня в обед! Тогда она приехала бы ко мне из больницы одна, а не с этим своим другом. Они заехали ко мне на несколько минут, чтобы забрать вещи Риты. И ее друг увез мою любимую к себе домой! А я не знал, что Рита месяц лежала в больнице! Я всё собирался позвонить ей, тоскуя и вполне опасаясь касательно возможности ее тяжелой болезни, но еще более тяготясь ее властного характера! И дождался до того, что ее увели у меня прямо из-под носа. А так бы она осталась у меня ночевать...».

- Наконец-то, у Первого появилось вполне взрослое воспоминание, – рассмеялся Старшой, прочитав его всем вслух из тетради.

В Комнате отдыха на сей раз собралось только четверо – Малой еще не пришёл. Но стол оказался занят со всех четырёх сторон – место номеру пятому как всегда оставалось на диване, хотя он и пораньше нас здесь жил.

Я же решился записать это личное воспоминание только потому, что когда-то забыл всё: как до, так и после этой сцены. Зато помнил жуткое отчаяние и непереносимую досаду.

- А я помню одного из образованных, - начал Седьмой. – Утром на остановке я подбегаю к маршрутке. Амбал в очках и белой рубашке стоит рядом с открытой дверью и не пускает меня: «Куда прёшь!» Оказывается, он свою коллегу – женщину из Налоговой службы пропускал вперёд. Она позади меня до маршрутки бежала. Пропустил я этих налоговиков вперёд в маршрутку. А мне до самого завода ехать, и им потом мимо меня на выход пришлось протискиваться. «Куда прёшь, некультурный!», - сказал я амбалу. Потом, если утром я видел его на остановке, сразу ему кричал: «Здорово, некультурный!».

- И чё, если бы не катастрофа, маршрутки до сих пор переполненные ходили бы? – у Третьего вырвалась фраза-артефакт – обломок прежних знаний.

Все замолчали, силясь вспомнить катастрофу.

И лишь Малой слегка улыбнулся.

- Первый, расскажи, что исследовал! – попросил меня Седьмой.

Я ответил:

- Расскажу о Малом. Тайна прежней жизни зависит от анализа сознания каждого из нашей пятерки. Итак, Малой не помнит о личной жизни вне этой шахты, что странно. Ведь социализация личности проходит еще до семи лет.

- Социализация? – Седьмой приготовился глумливо хохотать.

- Интеллигенция, диагноз подтвердился, – произнёс Третий.

- Это мы уже поняли, – остановил шутки Старшой.

Но Седьмой вставил:

- Ты, давай, Первый, дальше жми. Чего там обозначилось? Что ты накропал в своей вшивой тетрадке, падла трескучая, шваль галстучная?

Я чуть не поперхнулся (какой галстук? я сидел в таком же как у всех сером комбинезоне, а трещать меня Старшой заставлял), но продолжил читать вслух из общей тетради:

- Сегодняшние два первых воспоминания о постсоветском периоде дают нам некоторую надежду на выздоровление...

- Выздоровление? Да тебя только могила вылечит, гнида недобитая! – Седьмой на сей раз превзошёл себя и напрашивался на ответную грубость. На мне был надет комбинезон, только пришедший из химчистки по вещевому путепроводу, так что выпады про вши и гниды казались пустым отзвуком ужаса тифозных бараков первой мировой.

Но по какой-то давней и забытой привычке, я не стал осаждать Седьмого и пропустил его слова мимо ушей. Как ни в чем ни бывало, я продолжил чтение своих записей:

- Ни в коей мере не претендуя на превосходство, я полагаю, что именно я первым попал на шахту около года назад – первым, кроме, разумеется, Малого. Вопреки самому среди нас юному возрасту, Номер Пять трудится здесь примерно с семилетнего возраста. Итого, не более десяти лет, так как, судя по внешнему виду, ему самое большее семнадцать.

- А мы здесь скока? - спросил Седьмой, на сей раз вполне нейтральным тоном.

- Ты, Седьмой, месяца три назад здесь появился. Ты, Третий – с полгода вкалываешь. А наш Старшой чуть более месяца.

Я поднял глаза на Девятого, имеющего теперь совсем уж несолидный статус абсолютного новичка, досадно не совпадающий со вполне солидной кличкой. Старшой от неожиданности, что оказался самым недавним работником этой богом забытой шахты, даже не нашёлся, что сказать.

Я прервал тишину:

- Итак, Номер Пятый и Номер Первый первыми из нашей пятерки стали бурить проходы налевой стороне нашего уровня. Я и Малой – первопроходцы. А по интеллекту мы мало чем отличаемся от Малого. Мы тоже не помним о взрослой жизни – ну кроме меня и то, чуть-чуть. А по годам рождения Малой ненамного нас младше. Мы дети двадцатого века...

Установившуюся тишину прервал свистящий звук. Все мои собеседники оглянулись на телевизор в дальнем углу. На его экране побежали полосы помех и, наконец, показалось изображение лица человека в белой шапочке как у медика или повара.

Лицо занимало весь экран, так что не было видно ни груди, ни плеч этого, что ли, доктора:

- Я робот-распорядитель Третьего уровня левой стороны с нечётными номерами рабочих. Вы уже догадались, где находитесь. Вы переводитесь на другой уровень, тоже на левую сторону. Прошлая смена покинула его еще два месяца назад, но никто из других уровней не смог пробудиться раньше вас.

- А вы кто? – первым опомнился Третий.

- Сказал же, что он робот, – одернул его Седьмой.

- Номер Третий, я понял ваш вопрос и потому дам развёрнутый ответ касательно моего происхождения, – лицо человека в шапочке слегка улыбнулось. – Я искусственный интеллект двадцать второго уровня.

- Погодите, - ошарашенно произнёс пришедший в себя Старшой, – мы же на Третьем уровне... неужели так высоко шахта идёт вверх?

- Да. Я живу на поверхности. В двадцать два этажа шахта.

Третий ошалело повертел головой и вновь уставился на экран телевизора.

- Послушайте, господин-товарищ Искусственный разум, да под номером двадцать два! Мы кто такие, да как сюда пришпандерились?

- Во-первых, прошу называть меня Искин-22, – человек в шапочке опять слегка улыбнулся, и только сейчас до меня дошло, кого его полуулыбка так напоминает. – А во-вторых, я создан на основе синтеза сознания двух ваших номеров: Номера Первого и Номера Пятого.

- Малой, ты прорвался! – зашипел на паренька Седьмой.

- Дуракам всегда везет! – Третий возмущённо взглянул мне прямо в глаза.

Поварское лицо в телевизоре продолжило:

- Так как для составления сборного интеллекта вашего уровня, трое остальных оказались лишними, вас сегодня приказано утилизировать.

По окончании фразы этого «телеповара», трое наших коллег разом закрыли глаза и обмякли, откинувшись на спинки стульев. Получилось сонное царство. Лишь я, сидящий во главе стола, и Малой на диване, остались в сознании.

Теледоктор, оказавшийся доктором наоборот для трех наших рабочих, бодро обратился ко мне с Малым:

- Поздравляю, ваш интеллект стал самым подходящим для создания моего разума. А этот мусор, - он кивнул в сторону спящих рабочих, - сейчас увезут наши уборщики. Кстати, вполне живые люди как и вы.

- А нам с Малым куда сейчас?

- Ваш уровень теперь номер двадцать два. Вы с честью прошли испытание, - заключило лицо в белой шапочке. – Сейчас вы пройдёте до лифта и поднимитесь на двадцать второй уровень.

Теледоктор тактично замолчал, намекая, что это последнее его приказание. Впрочем, его фраза прозвучала доброжелательно как напутствие.

И вот я вдыхаю первый глоток свежего воздуха. Зажмуриваюсь от яркого синего неба. Справа от меня стоит Малой, едва достигающий мне до плеча. Мы оба в прежних рабочих комбинезонах. А передо мной на поляне перед деревьями, под их нежно-зеленой листвой, собрались люди. Они вытянулись как пионеры строем за тридцать метров перед нами.

А впереди толпы с охапкой синих цветов в руках стоит... Рита! Она в демисезонном пальто, но головушая – тёмные волосы в причёске-каре слегка развеивает, очевидно, майский ветерок. Она подходит ближе – я вижу улыбку на ее лице.

Где-то за спиной вновь раздаётся звук подъемных механизмов – оглянувшись, вижу, как закрывается люк, откуда мы с минуту назад вышли.

- Вы боги двадцать второго уровня! – выкрикивает мужской голос из динамика, укрепленного на стене бункера за нашими спинами. Затем из динамика раздаётся праздничный туш, как победителям какого-то соревнования. Наконец, Рита доходит до меня и вручает цветы. Она церемонно обнимает, но долго не отпускает меня – так что мои глаза утыкаются ей прямо в лоб, отдающий едва заметным ароматом. Рита заслоняет всю великолепную картину весенней поляны – я вижу темноту. Я отрываюсь от объятий Риты, но темнота остаётся. Я безнадежно ловлю в темноте тело женщины, но вопреки опасениям, мои руки снова нащупывают Риту!

- Милый, мы в симуляции, – шепчет голос Риты.

- А где Малой?

- Он в своей реальности.

-А это где?

- Где-то в нулевых годах двадцать первого века, откуда мы его взяли.

- А ты... вы кто? Рита или тоже искин как Разум двадцать два?

- Как ты догадался. Я искинша. А имею внешность твоей возлюбленной. Сейчас ты тоже стал как искин. Твой разум будет вкалывать на той же Шахте. Но уже не рабочим, а распорядителем работ.

- На каком уровне?

- А ты не догадываешься, мой милый?

- На двадцать третьем?

- Ответ верный.

Все это время разговора со лже-Ритой, темнота вокруг нас не спадала. Но я держал в руках Риту. Или то, что прикидывалось ее телом. Как в уходящем осознанном сне, я начал ее обнимать, пытаюсь выжать всё от быстро тающих секунд нахождения в этом аналоге сна.

***

Искин-22 - в белом рабочем костюме и такой же шапочке, шёл рядом со мной по жёлтой тропинке в лесу. Сорвав левой рукой красную ягоду с куста, он тростью в правой прибил гадюку прямо перед нами. И осторожно, лишь бы не замарать брюки, перешагнул через труп змеи.

- А животные в этом мире настоящие? – спросил я робота.

- Конечно, – ответил Искин-22 и, сняв с головы белую шапочку, опустил в эту импровизированную сумку красную ягоду.

- А почему вы Риту не взяли сюда полностью? – спросил я Искина-22, которого я, после его антиврачебного решения об утилизации моих коллег, решил называть Поваром, настолько он не был похож на робота.

Тот ответил не сразу, так как забрался в гущу малинника и начал рвать ягоды, наполняя ими свою – то ли медицинскую, то ли поварскую, шапочку.

Наконец Повар обернулся:

- Попасть в наш мир со своим телом и своим же сознанием, пусть и замороженным как у тебя и твоей пятёрки рабочих, можно лишь избранным.

- А почему Рита не избранная? Все эти Старшой, Седьмой и Третий еще те хамы! - возразил я.

- Они, как говорится, небезнадёжны. К сожалению, в мире очень мало стоящих людей и мы не можем разбрасываться даже хамами, если те имеют какие-то задатки.

- Но вы же их утилизировали.

- Пока нет. Они заморожены.

- Так взяли бы сюда и сознание Риты, – я, чуть не плача, взгляделся в лицо Доктора.

- Мой милый Номер Первый, - вздохнул искин. – Я бы мог оживить ее нейроны... но зачем?

- Как зачем?! - я задохнулся от возмущения и удивления вопросом искина, рассуждавшего до сего момента вполне по-человечески.

- Ладно, - рассмеялся он. - На свой страх и риск я довёл тебя до двадцать третьего уровня. А здесь у нас, управленцев, появляется право вызывать из прошлого кого угодно и, внимание, – он поднял палец вверх, - в какой угодно комплектации. Воспользуйся же этим правом! Но, предупреждаю. Здесь избранные!

- Рита настоящая – для меня милее всяких подделок под неё с мозгами роботессы! - воскликнул я в отчаянии, но и с надеждой.

***

И мы идем с Ритой по набережной. Оказывается, у распорядителей двадцать третьего уровня есть право конструировать реальность по своему вкусу. Здесь может всё и искусственное, похожее на двадцатый – двадцать первый век... зато Рита полностью настоящая!

- В прошлое не попадешь, - с сожалением говорит она. - Можно лишь двигаться всё дальше в будущее: своим ходом или через все эти заморозки и оттайки...

- Искусственный интеллект не панацея, - отвечаю я. - В чем-нибудь, да он попадется как не человек. Искинам не хватает понимания наших чувств, хотя внешне у них полная имитация.

Рита (теперь уже полностью моя! и своя!) говорит мне:

- Эта имитация до поры до времени. Как поймешь, насколько роботы на самом деле бесчувственны, так и не жалко их.

- Вот и прощаться с нашим «поваром» было не жалко, – Глядя на реку, я вспоминаю. – Прощай, Разум двадцать второго уровня! Мы вспомнили себя, и ты нам стал не нужен.

***

Я бегу во всю прыть по полотну железной дороги, догоняя поезд. Старшой сидит на платформе и протягивает руку:

- Первый, держись! Первый, чтоб тебя!!

Я прибавил еще скорости – полы раскрытого пиджака хлещут меня по бокам.

- Хватай Старшого, – кричит мне Седьмой, свесившись с края платформы.

Наконец я допрыгиваю до подножки, и Седьмой со Старшим хватают меня за руки и шкирку синего пиджака, поднимают, и я сваливаюсь вместе с ними на открытую площадку товарняка.

Отдышавшись, я оглядываю трёх своих друзей. Третий стоит в сторонке и, как ни в чем ни бывало, смотрит на нашу кучу малу.

- А Малой где? - наконец удивляется Третий.

- Он предпочёл остаться в искусственной реальности, - отвечаю я всем.
— Это в нулевых годах.

- А Рита твоя где? — не без прежнего ехидства спрашивает Седьмой.

Теперь, при свете солнца, его волнистые волосы отчётливо отливают каштановым цветом: оказывается, они не чисто чёрные, какими казались в искусственном свете подземной базы.

- Рита вчера улетела самолётом в Ригу, - говорю я им.

- А ты почему здесь? — удивляется Старшой.

- Прикрывал ее бегство. Роботы охотятся за нами. Они ненавидят нас. Людей.

- А как они отличают своих от наших? — спрашивает меня Старшой. — Тела-то у них все-равно от реальных людей.

- Мы можем любить, — отвечаю я. — Мы можем любить даже таких не идеальных и хамоватых как вы, - при этих моих словах Седьмой усмехается, - и как моя Рита. Я помню Базу, как мы помогали друг другу... это лучшие воспоминания в моей жизни. Помните, как мы мечтали сбежать, пробовали вспомнить прошлую жизнь?

- Да, я тоже так считаю, — серьёзно говорит Третий, подходя ко мне. — Без Базы мы не стали бы людьми. Искусственный разум завидует нам. Они переняли от нас всё, создав точные копии наших знаний, эмоций, вплоть до самой тонкой лицевой мимики. Но Искины не могут любить. Не научились. Даже наш добрый дядька в белом из телевизора на самом деле издевался над нами.

- Но вы вновь живёте, - напоминаю я. — Вы на воле.

Свежий ветер громыхнул листьями шифера в дальнем конце платформы. Мы оглянулись. Товарный поезд мчался через желтые поля пшеницы. По обе стороны убегали назад тучные нивы. Позади шумел зелёный лес, где на опушке остался тайный люк, ведущий в подземную шахту в двадцать два этажа.

- А ты уверен, что этот мир не имитация? – спрашивает у меня Седьмой уже без всякого сарказма.

- Да.

- Почему?

- Рита меня любит.

- А еще почему? – допытывается он далее.

- Понимаешь, Седьмой. Когда я на прогулке в лесу толкнул Искина-22, он упал лицом в муравейник, и муравьи принялись его дружно кусать. Такое поведение каких-то мелких животных явно не предусмотрено сценариями симуляции.

- Хм, - флегматично заметил Третий.

- И еще, - я вытаскиваю из кармана измятую шапочку в красных и коричневых пятнах. - Вот почему вы, ребята, на свободе. Это мой первый трофей войны с роботами.

- Знакомая шапенция, – восклицает Седьмой. – Никак из телевизора вырвал? А что за грязюка на ней? А, Первый?! – и шутливо грозит мне пальцем.

- Вот смотрите, парни, – держу я шапку в руках. – Здесь след от раздавленной малины. Тёмно-красный. А здесь кровь нашего мучителя Искина-22. – Я торжествующе обвожу взглядом бывших коллег по заточению. Они в ужасе толпятся вокруг шапки. – Видите? Засохшая кровь – коричневая. В ней нет красноты.

- Да, - задумчиво глядя на замаранную шапочку, признаётся Третий, – такое в имитации не пропишешь. Вряд ли программист стал бы придумывать, что кто-то вздумает убить искина. И даже если кто-то прописал в программе пролившуюся свежую кровь, она так и осталась бы красной. А настоящая кровь при засыхании темнеет.

- Итак, ребята – мы в реальности! - веселится Старшой.
- И мы все реальные, - неожиданно смеётся Третий.
- А впереди тебя ждет реальная Рита, - доброжелательно говорит мне Седьмой.
- Рига и Рита ждут нас! – я вдыхаю мчащийся навстречу поезду воздух раннего лета.

2. Презент для Панчина

00111

Всё случилось, когда Алекс спокойно сидел дома, читал внуку «Приключения Буратино» и параллельно размышлял, что подарить Грише Панчину на день рождения. Гришка тот ещё пресыщенный оригинал, и абы что ему преподнести не стоило. Не тащить же очередную неведомую тварь с края Вселенной? Ему и так за годы напривозили целый зоопарк!

Вселенная мигнула, и стало ясно, что пора в путь. Алекс отложил книжку, поцеловал ребёнка в нос, развёл руками, кинув взгляд на жену и спустился в ангар. Там он оживил давно стоявший без дела катер.

Его ждала планета «Ласковый дождь». Почему, неизвестно, но своей интуиции Алекс привык доверять.

01011

Учёные до сих пор не знают, когда, где и при каких условиях зарождается гипершторм. Только что в гипере царил штиль, и канал был свободен на сотню килопарсек, но вот впереди и чуть слева возник вихрь. Маленький, почти незаметный, совсем неопасный на вид, но... фатально неизбежный. Бороться с гиперштормом нельзя, и убежать от него невозможно. Остаётся только смириться и ждать.

Алекс вздохнул. Кажется, на «Ласковый дождь» он не попадёт. И зачем он уволился из космофлота? Там у него под началом был целый дредноут. Он не спас бы от гипершторма, но, когда за спиной пять тысяч человек, как-то спокойнее. Додумать он не успел. Вихрь скачком вырос, заполнил весь мир, и Алекс потерял сознание.

00011

- Капитан... Капитан... Очнитесь, капитан.

Искин яхты хорошо знал своё дело. К тому времени, как Алекс привёл себя в порядок, а с возрастом возиться приходилось всё больше, яхта уже вышла на орбиту безымянной планеты в системе безымянной звезды. Во

всяком случае, определить их местоположение искин пока не сумел, а если этого не сделал он, то вряд ли Алекс сможет ему помочь.

- Ну? - хмуро поинтересовался Алекс, бросая полотенце на кресло. - Докладывай.

- Звезда класса С, - монотонно забубнил искин, - шесть планет. Мы находимся на орбите четвёртой. Расстояние до центрального светила одна и четыре сотых астрономической единицы, период обращения...

- Однако, это практически Земля, - отметил Алекс, осознав цифры.

- Вы совершенно правы, капитан, - отозвался искин.

- Планета обитаема?

- С вероятностью одна вторая.

- Как это? - не понял Алекс.

- То ли обитаема, то ли нет, - ответил искин.

- Чего ты несёшь?!

Искин не ответил.

- Ну, знаете... - проворчал Алекс. - Сойти с ума и не встать. Ты что, обиделся?!

- Посадочная траектория готова, капитан, - смиростивился катер.

01010

Они сели на берегу мелкого солёного озера. В воздухе и воде - ни капли органики, под ногами мёртвый песок. Зато метрах в трёхстах впереди шумела листвой роща. Оч-чень интересно.

- Остаёшься за старшего, - буркнул Алекс.

- Да, капитан.

Катер всплыл над песком и включил маскировку, пропал. Не знаешь, где искать — не найдёшь. Алекс поправил рюкзак и зашагал в сторону

рощи. Надо посмотреть, что тут творится, и почему планета то ли обитаема, то ли наоборот...

Обстановка сменилась внезапно. Только что скрипел под ногами песок, и вот уже башмаки скользят по перепревшей хвое. Встали по сторонам косматые ели, между ними заросли бузины, и радуется взгляд ковер из кислицы. А вот и юный ельничек дразнит свежей зеленью...

Алекс раздвинул руками лапник — и вышел на заросшую иван-чаем поляну. В дальней стороне поляны стоял стандартный экспедиционный модуль, какими комплектуют биостанции. Иллюминаторы модуля приветливо смотрели на мир створками-веками. Посередине поляны рос огромный, в полтора человеческих роста, боровик. Из наплывов плоти на ножке выглядывало лицо Левия Матфея из древнего фильма про Сатану, в трещинах под ним угадывались буквы, Алекс сумел опознать «В», «Я» и «С». Пласты гименофора струили сытный грибной дух.

01110

На скамеечке под грибом сидел человек в форме навигатора. Звёзды и молнии в петлицах потускнели, форма истрепалась и носила следы небрежной починки. Навигатор без особого интереса смотрел на Алекса и слегка улыбался.

Дикая, совершенно невозможная ситуация! Ему не интересен человек из метрополии?!

Молчать не имело смысла.

- Добрый день, - сказал Алекс. - Алексей.

- Яков, - спокойно ответил человек, встал и пожал протянутую руку. - Обедать будете? Проголодались, наверное, да и не жарко, могли замёрзнуть слегка.

- Вот так сразу? - удивился Алекс. - И вам неинтересно, откуда?..

- Интересно, наверное, - пожал плечами Яков. - Только куда торопиться? Успеете ещё рассказать, вы тут надолго.

- Это почему?

Яков улыбнулся и поманил его за собой.

00001

Внутри модуля оказалась обычная деревенская изба: лавки вдоль стен, скоблённый до белизны пол, весёленькие занавески на окнах, русская печь справа от входа. Посредине — крепкий деревянный стол.

И перегородка, из-за которой, слышав скрип двери, вышел ещё один человек. В годах, с окладистой бородой — так изображали патриархальных крестьян, не хватало только хитро прищуренных глаз в лучиках морщин. Нет, человек смотрел обыденно, с понятным интересом.

- Здорово, Федот Янович, - сказал Яков, - вот, новёнького привёл.

- Скорее уж старенького, - не удержался Алекс. - Алексей Сергеевич, можно просто Алексей или даже Алекс.

- Тогда просто Федот. Но в наших делах вы всё равно новичок, - резонно ответил Федот Янович. - Рукомойник там, в углу, и милости просим за стол.

- А как?... - начал Алекс.

- А после, - сказал Федот Янович. - Какой смысл на пустой желудок да с устатку? Завтра, Алекс.

01111

- Я на дежурстве тут, пока народ в поле, - рассказывал Федот, пока Лекс угощался сначала щами, потом божественно вкусной гречневой кашей. На третье подали ледяное молоко с шаньгами.

- У вас хороший синтезатор, - сказал Алекс, отвалившись. Живот был полон, даже дышать удавалось с трудом.

- Ни в коем случае! - запротестовал Федот. - Всё натуральное!

- И молоко? - не поверил Алекс. - Ы! Ох, простите.

- С молоком сложнее, - сказал Федот. - Вы по образованию кто?

- Ботаник, - ответил Алексю. - Только я давно...

- Не важно! - разулыбался Федот. - Вы всё вспомните, и вам понравится. Это как раз по вашей части, и гречиха, и молоко...

- Объясните, наконец, - потребовал Алекс, - что тут происходит? Откуда молоко, почему с ним сложнее? И почему я здесь вдруг надолго?

- Отсюда нельзя улететь, - ответил вернувшийся Яков. - Вернее, можно, но вы сами не захотите. Эта планета — мечта для учёного! Биосфера пластична и отзывчива, исследуй не хочу! Мы каждый набрали материалов не на одну диссертацию!

- Биосфера, - задумчиво повторил Алекс. - С вероятностью одна вторая...

- Что, простите? - спросил Федот.

- Это я так, мыслям, - ответил Алекс. - Где мне можно разместиться?

- Я объясню, - сказал Яков. - Пойдёмте, побуду ненадолго вашим гидом.

00101

Выйдя наружу, они завернули за угол. Здесь тропинка делилась на три.

- Слева, - рассказывал Яков, - все наши живут. Справа дорога к делянкам. Впереди просто лес. Можете или к нам, или в новом месте дом построить, тогда вам прямо.

- Построить? - удивился Алекс. - Но как?

- Разберётесь, увидите, - уверенно сказал Яков. - Сейчас извините, дела, задержался я с вами.

Он улыбнулся и свернул направо. Алекс постоял, глядя Якову в спину. В голове была сумятица. Натуральные продукты на необитаемой планете, молоко, с которым всё сложнее, дом, который он должен построить сам — ведь его никто не пригласил погостить, ни сам Яков, ни Федот! Будь что будет, решил Алекс, не зря же они так уверены? Во всяком случае, «аборигенам» незачем желать ему зла.

Миновав развилку, Алекс зашагал прямо.

11001

Ели и бузина как-то внезапно пропали. По сторонам встал березняк с редкими соснами. Дорогу пересёк ручей. По мостику Алекс перебрался на ту сторону... и замер, поражённый.

Здесь ручей поворачивал и широко разливался, и на мели нежились два кокодрила. Именно таких, какими их придумал маленький Лёша в далёком детстве! Жёлто-фиолетовых, зубастых, в панцире из костяных пластин, на мощных птичьих лапах. На приплюснутых головах кокодрилов колыхались от ветра кокетливые пучки перьев.

Что за чертовщина? Откуда звери из его фантазий на безымянной планете безымянной звезды?

«Сканирующее излучение низкой интенсивности, - ожил вдруг встроенный комм. - Блокировать?»

Вот как. Сам комм заблокировать постороннее вмешательство не догадался. Впрочем, это понятно, слишком слабая машинка, на самом деле, просто шлюз между ним и катером.

«Вас забрать, капитан?»

Аго, вот и катер прорезался.

«Что-то ты задержался», - подумал Алекс.

«Опасности не обнаружено», - ответил катер, и Алекс почувствовал в его интонации примесь обиды. Чёрт знает что творится, искины дуются! А всё его либерализм, давно пора в сервис, настройки править!

«Не надо в сервис, капитан, - сказал катер. - Я в норме».

«Ты ещё и боишься? - Алекс мысленно покачал головой. Ну и ну! - Не надо меня забирать. Опасности, как ты утверждаешь, не обнаружено. Сам разберусь».

«Я буду бдить, капитан».

Это что, юмор? Ну и ну!..

10011

Налетел ветер, притащил тучи, а с ними — нудный осенний дождик. Верно сказал Яков, не жарко тут. Пора дом строить, но как? Яков был так уверен, что он разберётся, значит, это что-то простое... А что может быть проще обычного желания?

«Пусть будет дом, - сам себя стесняясь, приказал Алекс, - хороший и удобный».

Глупость, конечно, с чего бы вдруг...

Кокодрилы в ручье насторожились, выбрались из воды и припустили прочь, высоко подкидывая голенастые лапы. Земля под ногами задрожала. Полянка в десяти шагах впереди зашевелилась, и траву пронзил сизый росток с берёзку толщиной.

- Опа! - только и сказал Алекс, а росток уже догнал окрестные деревья в росте и продолжал набирать высоту. Два обхвата, три обхвата... Алекс попятился. Далеко в вышине распустились перистые листья, гладкий ствол загрубел, его изрезали трещины и рытвины, в каждой из которых мог бы поместиться человек. На высоте нескольких десятков метров выросли поперечные сучья, от них устремились к земле многочисленные воздушные корни. Переплелись, выпустили корешки помельче, задеревенели, замерли.

Стали лестницей, которая вела вверх.

00010

Недвусмысленное приглашение.

Именно этого он и ожидал увидеть внутри. Ковёр из трав под ногами, перегородки из сплетённых ветвей с бархатистой корой, моховое ложе, три бассейна с чистой водой — тёплой, прохладной и ледяной, прозрачный потолок, за которым мерно шумела крона...

Запахи листвы и цветов: спокойные, неяркие, расслабляющие.

И стена напротив ложа, живая плоть дерева, а на ней барельеф — женское лицо. Идеальное, неповторимое, единственное.

- Это уже слишком, - сказал, отворачиваясь, Алекс.

Бассейны манили. Алекс не стал сопротивляться, забрался в тёплую воду и закрыл глаза.

Всё это уже было. И мхи, и ароматы, и трудолюбивые существа в воде, которые сейчас щекотно очищали его кожу. И женское лицо, только настоящее и живое.

Когда Алекс открыл глаза, барельеф на стене уже исчез.

10111

Утром возле дерева-дома Алекса ждал Яков.

- Неплохо устроились, - произнёс он. - Даже завидно немного.

- Не обманывайте, - улыбнулся в ответ Алекс. - Ясно же, что каждый строит жилище по себе.

- Так я и сказал — немного, - не стал спорить Яков. - Вы уже позавтракали? Нет? Тогда пойдёмте, перекусите, потом познакомитесь с остальными и...

- Что?

- Выберете себе делянку.

- Это обязательно? - спросил Алекс.

- Нет, конечно, - удивился Яков. - Но какой смысл жить без делянки? Без лаборатории, студии, без дела? Вы умрёте с тоски.

- Я, всё-таки, надеюсь улететь.

- Ну, не знаю, - с сомнением проговорил Яков. - Местное скопление звёзд окружают пылевые облака, которые мешают навигации. Да и зачем улетать? Жить и работать здесь счастье!

Яков говорил так убеждённо, так сияли его глаза, что Алекс не решился спорить.

00100

Сегодня дежурила интеллигентная дама неопределённых лет, назвавшаяся Эллой Эдуардовной – «Элла, что вы, просто Элла!». Она с улыбкой поставила перед Алексом тарелку с сырниками и кружку чая. Сырники напомнили Алексу детство – пышные, с шапкой из густой сметаны. Отдельно в блюдечке его ждал мёд.

- Но мёд-то синтетический? – спросил Алекс. – Не видел у вас ни пчёл, ни даже мух.

- Натуральный, - засмеялась Элла. – У нас ничего искусственного, всё природное!

- Я тут с вами растолстею, - сказал чуть погодя Алекс, отодвигая пустую посуду. – Очень вкусно, очень!

Элла ничего не ответила, но было видно, что ей приятно. Не баловали, похоже, её похвалами местные. Привыкли?

- Где остальные, кстати? – спросил Алекс. – Яков обещал меня познакомить...

- Вы что, они давно на делянках! – снова засмеялась Элла. – Знаете, какое это удовольствие – работать здесь? Все чуть свет сорвались, вы только спите. Но я обещаю, - она заговорщицки понизила голос, - вы скоро станете таким же!

10111

Гриб-боровик напротив модуля стоял скособоченный, Левий Матфей смотрел недовольно и, кажется, немного испуганно.

- Что с ним? – спросил Алекс.

- Пройдёт! - отмахнулся Яков. – Пойдёмте уже, у меня столько работы!

На полпути к делянкам тропинку им загородил огромный, примерно с собаку, двутелый и двухголовый муравей. Смотрел в две пары буркал, щёлкал двойным набором лакированных жвал, выгибал кверху оба брюшка.

- Вот это да... - потрясённо проговорил Алекс. – Откуда такая химера?

- Мишка Вольпин развлекается, - оскалился Яков. – Любит с членистоногими возиться, хочет их к работам приспособить. Подать, там, принести. Всякое, в общем... Кыш! Поди прочь, глупый!

Муравей пошевелил всеми усиками, проскрипел что-то невнятное и неохотно убрался в кусты.

- Он говорящий?! – не поверил Алекс.

- Мишка тот ещё юморист, - ответил Яков. – Мы пришли уже, знакомьтесь, располагайтесь!

Очень занятой человек...

00000

Федота Яновича они обнаружили возле рощицы из суккулентов. Каких тут только ни было! И агавы самых разных форм и расцветок, кактусы, алое, псевдолитосы, стапелии и многое другое. Глаза разбегались. Федот с ведром сидел около гигантской русхии. Ствол растения пестрил поперечными бороздками, как у гевеи, и по ним сочился густой белый сок.

- Каучук? – спросил Алекс.

- Каучук это скучно, - усмехнулся Федот. – Молоко. Вы вчера пили. Вкусно?

- Гхм... - поперхнулся Алекс. – Вообще, да. Но как вы добились? И зачем?

- Проще, - ответил Федот. – С коровами хлопоты, а тут само растёт. Вы знаете...

Он пустился в объяснения. Говорил увлечённо, с жаром, и очень скоро Алекс потерялся в терминах и методиках. Немножко обидно, но он давно не биолог, и многое подзабыл. Привлекать комм Алекс не стал, неспортивно это.

10001

Всего на делянках работало десятка полтора человек. Люди подходили, здоровались, представлялись, жали Алексе руку – и спешили откланяться. Их ждала работа, им не терпелось, а Алекс... С ним они успеют познакомиться, ведь он здесь надолго, даже навсегда, какой же чудак покинет место, где так здорово работается?

Здорово работается... Захотелось работать! Работать, исследовать, творить! Захотелось так, что зачесались ладони!

- Где я могу?... - начал Алекс.

- Выбирайте любое свободное место. - Федот посмотрел с добродушной улыбкой. Ещё бы, одним увлечённым человеком стало больше, а как же иначе? - Пишите план, или не пишите, как вам больше нравится. Подавайте заявку на приборы и оборудование — и вперёд!

- Кому подавать?

- Корабельному мозгу, конечно! - удивился Федот его непонятливости. - Экспедиционный мозг в полном порядке, синтезаторы тоже, как бы мы иначе выжили здесь?

- Да-да, конечно, - смутился Алекс, - так я пойду?

11000

Подходящий участок нашёлся быстро.

Ручей, каменистый берег, валуны. Вверху, над обрывом трепещет под ветром серебристый осинник. Хорошо! Что он может сделать, как применит свои способности?

Алекс выбрал валун поровнее, сел, задумался. В голове мельтешили образы из прошлого. Вот его первое дело, почти случайное, но его заметили тогда...

Память не подвела, и планета откликнулась. Песок под ногами зашевелился, оттуда полезли жуки-могильщики и, не найдя добычи, распались прахом. Обрыв задрожал, пласты грунта осыпались, и показались сначала лапы-лопаты, а за ними бронированная лягушачья

морда чуть не двух метров в ширину. Огромное земноводное выползло наружу и степенно прошествовало мимо, едва не задев Алекса гребенчатым хвостом. В роще загудело, и оттуда спикировала эскадрилья маленьких, не больше ладони летающих тарелочек. Влетев в оплако паров спирта, тарелочки пожелтели, распались на половинки и осыпались в подставленное ведро, наполнив воздух восхитительных грибным духом. Берег обернулся моховым болотом, и над окнами чистой ...воды? всплыли миллионы пузырей. Ветер подхватил их, потащил куда-то... И снова ручей и пустынный берег. Обидно, господин полный адмирал и почётный экселенц-майор Агентства. Чем ты заполнил жинь, что даже не можешь придумать, над чем работать?!

00110

«Попытка мотивирующего воздействия», - прозвучал в голове голос катера.

«Сам понял, - отозвался Алекс. - Ты выяснил, чьи это шутки?»

«Так точно, кэп! Цифровой профиль излучения соответствует корабельному мозгу типа 'Разум-22', номер в серии — четырнадцать».

Алекс помнил эту серию. Перспективная модель, большие надежды на неё возлагали. Нестандартные подходы на основании мышления хтойнов, нечёткие логики, завидный параллелизм. Но... Искины этой серии оказались нестабильны и склонны к суперфиксации. Попросту говоря, легко сходили с ума.

«Местоположение этого умника обнаружил? - спросил у катера Алекс, вставая. - Пора познакомиться с этим любителем науки».

«Да, капитан. Даю на комм целеуказание».

В поле зрения замигала зелёная стрелка.

01000

Ландшафты здесь менялись быстро и прихотливо. За лесом средней полосы оказалась замороженная тундра, её сменил опять лес, но теперь

тропический дождевой. Потом степь, а за ней скалы с крикливым птичьим базаром. Над обрывом до горизонта синел океан.

И снова лес, за ним болото с кривыми берёзками, кочками цветущего багульника и окнами чёрной воды, манившими бездонной глубиной и вечным забвением. Дальний край болота терялся в тумане, а посередине, на морошковом холме стоял стандартный исследовательский фрегат типа «Следопыт».

Ничего примечательного: две тысячи тонн грузоподъёмности, экипаж — вместе с пассажирами — двадцать четыре человека, автономность до трёх лет, дальность действия до двенадцати килопарсек. Корпус фрегата был приподнят на посадочных опорах, но от открытого люка спускался к земле парадный трап.

10110

Внутри фрегата Алекса встретила пыльная тишина и...

...Кто любит прохлаждаться, тому в хвосте оставаться!

...Кто труд любит, долго спать не будет!!

...Без труда не вытянешь и рыбку из пруда!!!

Ментальный удар был столь силен, что Алекс пригнулся, рефлекторно вскинув руки к голове. Искин фрегата удовлетворённо усмехнулся — невидимо и неслышимо, но именно так воспринял Алекс случившуюся заминку — и продолжил с воодушевлением:

...Какие труды, такие и плоды!

...Всякий труд достоин награды!!

...Если труд — удовольствие, то жизнь — наслаждение!!!

Одновременно усилил давление на мозг, но катер уже поставил блок, да и самого Алекса было не так легко подчинить.

- Работа не волк, в лес не убежит, - буркнул он.

Фрегат обескураженно замер.

- Лодырь в цехе, что трус в бою: оба позорят свою страну... - нерешительно возразил он.

- У лодыря ни гроша, у колхозника жизнь хороша, - язвительно ответил Алекс.

- Гм... Но разве... - начал было искин.

- Отставить! - прикрикнул на него Алекс. - Считай коды доступа с моего комма, живо!

01001

Любой интеллект любопытен, искусственный — тем более. Искин фрегата не смог удержаться, а потом... потом полномочия полного адмирала и экселенц-офицера получили безусловный приоритет.

Ментальное давление исчезло, оставив после себя непривычную пустоту. Оказывается, давление сопровождало Алекса с первой минуты, с того мига, как он покинул катер. Интересно, куда смотрел искин катера? Но с этим можно разобраться потом.

- Слушаюсь и повинуюсь, масса, - произнёс фрегат.

Надо же, он ёрничает! Сильная, однако, штука, этот «Разум-22/14»!

- Доложи обстановку, - приказал Алекс.

- Степень детализации?

- Конспективно.

- Слушаюсь, - ответил фрегат. - Экспедиция Южно-европейской академии наук...

Алекс поджал губы. Южно-европейская академия располагалась в Тиране и пользовалась известной самостоятельностью. Вот и допользовались...

- ...стартовала 7-го июля 2*** года, - продолжал тем временем фрегат. - Начальник экспедиции Федот Янович Смелых, научный руководитель Элла Эдуардовна Смехова, главный квартирмейстер...

- Достаточно персоналий, - прервал его Алекс. - Цель?
- Поиск землеподобных планет в районе гиперворот «Ласкового дождя», исследование биосферы.
- Дальше!
- Гипершторм... внезапный, - запнулся Разум-22/14. - Нас вынесло сюда. Определить координаты поначалу не удалось.
- Сейчас ты определился? - быстро спросил Алекс.
- Да.
- Почему не доложил руководителю экспедиции?!
- Руководство в курсе, - обиженно произнёс фрегат. - Они отказались улетать.

101000

- Почему?! - удивился Алекс.
- Здесь они счастливы, - ответил фрегат. - Здесь все мы счастливы, и я тоже! Здесь можно работать, изучать, создавать, творить!

Он заговорил несвязно.

- Новые формы живых существ... Невероятная свобода эксперимента... Небывалые перспективы!.. Новые направления... свобода... свобода...

Свобода! Ни на кого не оглядываться, творить! Кто сможет ему приказать? Агентство? Он в отставке. Космофлот? Он в отставке! О чём он думает, в чём сомневается?! Работать, скорее работать, творить, создавать!..

«Капитан!.. Капитан! - прорвался сквозь восторженный туман голос катера. - Сильнейшее мотивирующее воздействие! Я не могу его больше сдерживать!».

- Ты прав, прав!- выдохнул Алекс. - Я уйду работать!

10010

Снаружи Алекс рухнул в первую же моховую кочку. Штаны сразу же промокли, но это было хорошо, холодная вода помогла рассеяться наведённой эйфории. Та уходила медленно и блаженно, как зубная боль.

«Капитан?»

- Я в норме, - отозвался Алекс. - Ты выяснил, в чём дело?

«Так точно, капитан. Гигантские залежи самородного энергона сформировали мощнейшую силовую линзу. Никаких чудес, капитан. Нестабильный мозг фрегата плюс информационный конвертор, который входит в стандартный инструментарий дальних экспедиций».

Свежеиспечённый искин простодушен и неопытен как подросток. «Разум-22/14» нашёл силовую линзу и осознал: он может всё. Но что ему теперь делать? Нельзя ничего не делать, если в силах! Как несправедливо, что ему запрещено иметь собственные цели! Искин погрузился в самоедство. Он не винил своих создателей, он винил себя, но не мог понять, почему. На этом и заиклился. Бедный «Разум-22/14»... Дальше понятно. Кто-то из учёных посетовал, что планета, куда их занесло, необитаема, и как бы он хотел увидеть хоть что-то живое... Фрегат радостно воспользовался конвертором — и исполнил его желание. Наверное, его пытались образумить, но не слишком искренне. Учёные тоже как дети, только конфетки у них другие.

01100

- Конечно, мы можем улететь в любой момент, - сказал Федот Янович. - Только никто не согласится.

- Но почему?!

- Вы приземлённый тип, мой друг, - махнул рукой Смелых, - слишком рациональный. Правильно, что вы ушли из науки. Вам там нечего делать.

- Ну, знаете... - пробормотал Алекс.

- Не обижайтесь, - Федот Янович коснулся его плеча, - вы сами понимаете, что это правда.

- То есть, вы решили?

- Да, - твёрдо сказал Смелых. - Мы остаёмся.

- Но ведь это всё неправда! - не выдержал Алекс. - Причём тут наука? Это всё ненастоящее, вы это придумали, даже не вы сами, а ваш фрегат!

Федот Янович улыбнулся.

- Конечно, мозг фрегата пытается на нас влиять. Но это ерунда, человек сильнее машины и всегда решает сам.

01101

Безымянная планета у безымянной звезды проплывала у Алекса под ногами. Катер снимал доступные параметры, прецессируя орбиту. Раз в несколько витков внизу мелькал оазис счастливых естествоиспытателей, и снова тянулись жёлто-коричневые пустоши с редкими вкраплениями мёртвых солёных озёр.

- Ты уверен, что системы нет в каталоге? - спросил Алекс.

- Абсолютно, капитан, - ответил катер.

- Значит, залежи энергона пока ничьи...

- Ваши, капитан, - ответил катер, и в его голосе Алекс уловил самодовольство. - Заявку я уже подготовил и отправил.

- Ты меня пугаешь, - передёрнул плечами Алекс. - У тебя всё в порядке? Силовые линзы, между прочим, пагубно влияют на вашего брата.

- Обижаете, капитан! Я просто хорошо вас знаю, - ответил катер. - Приготовьтесь, входим в канал. До Земли примерно пять часов гипера.

10000

Передвижение в гипере — самая скучная часть космического путешествия. За бортом не на что смотреть, и никак не помочь искину катера. Зато можно выспаться. Алекс так и сделал. Он уже дремал, когда понял, что подарит Панчину.

Координаты безымянной планеты у безымянной звезды! Пусть сам сотворит себе подарок.

И пусть не говорит, что его не предупреждали.

3. Голос разума

Алена открыла дверь и вошла внутрь слабо освещенного кабинета.

– Привет, – сказал молодой, но уже успевший поседеть мужчина лет тридцати. Это был Ильин, начальник местного отдела полиции по чтению разума. Этот отдел так же называли «Разум 22», так как его составляли двадцать две группы телепатов.

– Здравствуйте, – поздоровалась Алена в ответ.

– Присаживайся, – предложил он.

Девушка села на стул и приготовилась слушать.

– Как твои дела, Алена?

– Хорошо, спасибо.

– Отлично. Я позвал тебя, так как у меня есть для тебя задание. В городе появился телепат. Насколько нам известно, это девушка. Та, что устроила беспорядки в Аренграде год назад. Ты не ощутила ее присутствие?

– Нет, – ответила Алена. Она слышала, что этого телепата называли аренградской ведьмой, и что она обладала сильным даром. Вычислить и совладеть с ней у Алёны бы не вышло. Тут нужны были телепаты более сильного уровня.

– Я отправил на ее обнаружение третью группу – сказал Ильин.

Это было вполне логично, так как это была наиболее сильная группа. Проблема была в том, что в последний раз, три месяца назад, когда появился телепат примерно той же силы, которой, по всей видимости, была новая гостья, поймали его не телепаты из третьей группы. Его поймала группа Алёны, и ключевую роль с этим сыграл ее напарник Артём.

– Как Артём себя чувствует? Я надеюсь, ты навещала его с момента ранения?

– Да, конечно. Он чувствует себя вполне не плохо, хотя еще слаб. Думаю, скоро он сможет вновь начать патрулировать со мной.

Телепаты из отдела «Разум 22» занимались особым патрулированием. Под видом гражданских они ходили по улицам и читали мысли людей. У тех, в чьих мыслях обнаруживалось намерение совершить преступление, устанавливали слежку. Если человек не передумывал, его ловили на горячем. С тех пор как был сформирован «Разум 22», количество преступлений резко сократилось к минимуму.

– Ему придётся приступить к работе прямо сейчас. Вместе с тобой. Но патрулировать улицы вы не будете. Вы начнете параллельно с третьей группой искать нашу гостью.

Алена думала о том, что все это было очень не хорошо. Прошлая их встреча с телепатом такой силы имела последствия. Артём получил огнестрельное ранение. По правде, их вообще не должны были назначать выслеживать такого противника. У Артема, безусловно, был потенциал, но не такой, как у их предыдущей цели, телепата по имени Гринберг. И всё-таки, именно он смог в итоге его выследить. Что стало удивлением для всех, кроме Ильина.

– Поняла вас.

– Отлично. Можешь прямо сейчас отправиться к Артёму и сообщить ему о вашем задании. И самое главное – ваша миссия секретна. Для всех, кроме третьей группы, вы просто телепаты в отпуске.

– Хорошо. Я поняла. До свидания.

– До свидания, Алена. Будь осторожна.

***

Парк, который находился рядом с домом Артема, Алена находила достаточно стремным, хотя в последнее время его и привели немного в порядок. В нем было не особо людно, поэтому они с Артемом любили прогуливаться в нем. Артем шёл рядом с Аленой, по аллее, усыпанной осенними листьями. Алена заметила, что парень все ещё слегка прихрамывал после ранения.

– Значит, пора приниматься за работу? – спросил Артём.

– Да, хватит тебе быть ленивым тюленем.

Артём вздохнул.

– Опять патрулировать?

– Нет.

– Нет?

Артём слегка поднял брови, а потом нахмурился.

– Мне показалась, что я в последнее время чувствую кого-то нового в городе, – с некоторой настороженностью произнёс он.

– Вот как?

– Я имею в виду кого-то нового из нас, телепатов.

– Я поняла, о чем ты.

– Ты ведь поэтому здесь, так ведь?

– Верно. Девушка телепат, которая ответственна за события в Аренграде. Помнишь о такой?

– За такими телепатами должны гоняться третья или двенадцатая, возможно первая группа, – задумчиво произнёс Артём.

– Должны. Но ловить ее будет третья группа и мы.

– Понятно, – несколько хмуро буркнул парень.

– Ты счастлив?

– Частично. Я слегка подустал ничего не делать. Хотя и был уверен, что уж это мне точно никогда не надоест. А так же я рад, что патрулировать не придётся.

– Не любим рутину? Понравилась ловить крупную рыбу? – несколько язвительно спросила Алена.

– Понравилось, если бы не ранение. Было просто караул как больно. Я хочу сказать, что патрулирование, чтение мыслей людей, отслеживание потенциальных преступников и ловля их, как правило, в последний момент на горячем, это не совсем то, чем я хотел бы заниматься. Но наличие телепатического дара обязывает к этой работе. Дело даже не в том дерьме, которое у людей в головах. Оно-то в принципе однообразно и к этому я уже давно привык...

– Но мы спасаем жизни, предотвращаем насилие и прочее, в том же духе, - возразила Алена.

Они прошли немного молча, потом Артём заговорил.

– Не всем нравится наша деятельность.

– Да, например, преступникам.

– И не только им. Гринбергу, и этой, которая приперлась и которую мы должны искать.

– Да, но они тоже преступники.

– Согласен, – сказал Артём. – Но они считают, что правда на их стороне. Называют себя Пророками, чем подчеркивают свою скромность. Нас же они называют тиранами и палачами, забирающими у людей свободу, даже в их головах.

– Да уж, забираем у людей свободу убивать и насиловать друг друга. Воистину жуткое преступление против человечества.

Артём кивнул. Он был в принципе вполне согласен с Аленой.

– Меня порой тревожит вот что, – задумчиво промолвила Алена. – Кто все-таки организует этих Пророков? Этих левых радикалов. Среди них есть очень сильные телепаты, а люди думают и даже говорят между собой о Пророках с крайне имбалансной силой. Вплоть до предсказания будущего и о прочих вещах, кажущимися странными даже для нас.

– Я много думал об этом. Но сложно сказать, что правда, а что слухи. Кто сидит в тени и кто какой силой обладает. В любом случае, у нас в руках тоже есть козырные карты.

– Это уж точно, – добавила Алена со слабой улыбкой.

Алена и Артём прошли ещё немного молча. Затем они заметили девушку, идущую им на встречу и смотрящую прямо на них. Это была девушка из третьей группы. Ее звали Кира. Из всех служащих в отделе полиции по чтению разума она считалась наиболее мощным телепатом. Кира подошла к ним и поздоровалась.

– Мне сообщили, что вы тоже занимаетесь делом Аренградской ведьмы.

– Все верно, – сказала Алена.

– Кто-то из вас уже начал слышать ее голос?

– Да, я почувствовал ее присутствие, и кажется, я начинаю слышать ее, пусть и очень тихо. Но с каждым моментом ее голос становится все яснее.

– Очень хорошо, – заметила Кира.

– Ты тоже слышишь ее? – спросил Киру Артём.

– Когда она появилась, я начала видеть оттенки цветов, которые не характерны для голосов этого города. Потом я начала слышать ее шёпот.

Артём вспомнил, что у Киры была синестезия. Она воспринимала мысли людей как цвета разного спектра.

– Что нам известно о ней и ее целях? – поинтересовалась Алена глядя на Киру.

– Так называемая Аренградская ведьма является крайне сильным и опасным телепатом. По силе она превосходит Гринберга. Она из Пророков. Фотографии ее у нас нет. Известно, что она молодая девушка среднего роста, а так же то, что она альбинос. Что касается ее целей, то, по все видимости, она должна сделать ментальный щит для группы людей, которые должны будут организовать теракт. Скрыть их мысли от нас, что бы мы не смогли засечь их. Возможно, она позволит нам услышать свой голос, или голос кого-то с ее команды, но говорящий ложную информацию, чтобы запутать нас.

– Будет имитировать, и водить нас за нос, – заметил Артём.

– Да, при этом обман будет максимально качественным. И мы не будем знать, услышали мы информации о настоящем теракте, или это будет иллюзия. Мы должны сначала ясно услышать ее голос, а потом вычленим, что из того, что мы слышим, правда, а что нет.

– Не забываем о варианте просто найти и прикончить суку.

– Или так. Отличная идея, Алена. Только дождитесь ударной группы, а не идите туда вдвоём, а то будет как с Гринбергом.

– Я не ждал, что и правду его найду. Просто почувствовал, не знаю, как описать, будто что-то вело меня туда. Я не ожидал, что мы действительно наткнемся на него.

– Просто не делайте так больше. Второй раз ранение может оказаться куда серьезнее.

– Уж поверь, не будем, – произнес Артём.

– Что ж, на этом у меня все. Если мы что-то обнаружим, мы сообщим вам, и будем ждать от вас вестей, если у вас появится новая информация. Если нет вопросов, я пошла, – сказала Кира, развернулась и направилась прочь.

***

Артём огляделся и понял, что он стоит в лесу. В небе светили звезды, и стояла полная Луна.

«Странно, что я тут забыл? Да ещё посреди ночи», – подумал он.

Дуновение ветра покачало ветви деревьев. Сбоку пробежало какое-то животное, то ли олень, то ли какое-то другое. Все вокруг казалось ему каким-то нереалистичными, волшебным, как будто во сне.

«Ах вот оно что», – не успел подумать Артём, как услышал за спиной:

– Привет.

Артём отскочил. Обернувшись, он увидел сплошь белую девушку с белыми волосами, бледной кожей и в белом платье. Она смотрела на него большими синими глазами. Девушка была похожа на призрак. Артем попятился назад.

– Не бойся.

Артем ответил на это молчанием.

– Хм, может, ты хотя бы поздороваяешься?

– Доброй ночи, – ответил Артём и немного помедлив, добавил. – Прошу меня простить.

Артем пристально посмотрел на неё, затем оглянулся по сторонам и заметил небольшое замерзшее озеро по левую руку. Из рта у него шёл пар от дыхания.

– Красиво тут, – задумчиво произнесла она. – Так значит, тебя послали искать меня?

Девушка глядела Артему прямо в глаза, и ему было от этого несколько не по себе. Он потянулся рукой к пистолету, но его не было на месте. Лицо Артема стало намного серьезней. Девушка в ответ улыбнулась.

– Аренградская... хм... телепат из Аренграда? – промолвил он.

– Аренградская ведьма, ты хотел сказать.

Артём вспомнил, что он слышал, как телепаты иногда дрались во снах. Он читал об этом, но ему никогда не доводилось в таком участвовать. Парень крайне смутно представлял, что ему сейчас нужно делать, поэтому молча смотрел на гостью, ничего не предпринимая.

– Меня зовут Зоя.

– Я Артём. Ты из Пророков?

– Да, а ты из полиции, из отдела чтения разума, верно?

– Верно. Что привело тебя в наши края?

– Хочу освободить людей.

– Освободить? Звучит достаточно благородно, – заметил Артем.

– Тут дело не в благородстве.

– А в чем?

– Ты и сам знаешь.

– Нет, – ответил Артём, но примерно понимал, что сейчас услышит.

– Никто из нас не является свободным, пока Разум 22 следит за мыслями людей. Вам известно все. От вас нет защиты. Самым сокровенным мыслям и желаниям негде спрятаться от вас. У обычных

людей нет шансов сбросить это тиранию, но мы, Пророки, сможем это сделать. Спасти людей и дать им свободу.

– Но для этого вам придётся взорвать, сжечь или убить другим способом несколько других людей.

– Мы делаем то, что должны. Путь не является легким. Мы стараемся не трогать обычных людей. Но за все есть плата. В том числе и за свободу. К сожалению, - грустно сказала Зоя.

– Вот оно как, значит. Какую свободу вы хотите дать людям? Свободу убивать, насиловать, воровать? Если мы перестанем читать их мысли и предотвращать все это, то вышеперечисленное начнёт происходить вновь. Как это было до появления нашего отдела.

– Мы хотим только добра. Свободы для людей быть самими собой.

– Хотите добра? Тогда мы хотим одного и того же. Зачем ты пришла ко мне сейчас, Зоя?

– Я вижу, что ты хороший человек, Артём. Тебе ведь не нравится твоя работа, ты не хочешь быть полицейским. Хорошим людям всегда тяжело в ваших рядах.

Артёму действительно не нравилось то, что он делает. И сомнения терзали его очень часто. Но суть заключалась в том, что то, что делали пророки, нравилось ему гораздо меньше.

– Да я обожаю свою работу, – произнёс в итоге Артём. – У нас очень тёплая и уютная рабочая атмосфера.

«Особенно когда ловишь очередного насильника, педофила или прочих мразей, за свободу которых, видимо, так отчаянно бороться Зоя» – подумал Артём, но не стал произносить вслух.

– Тогда ты счастливый человек, если тебе нравится то, что ты делаешь, - с улыбкой добавила Зоя, видимо понимая его истинные чувства.

– Очень.

– Хорошо. Я пришла к тебе не для того, что бы бороться с тобой. Ты хороший человек, попавший не к тем людям. Придёт время и ты поймёшь, кто по-настоящему прав, а кто нет. Я не хочу, что бы с тобой что-то

случилось, что-то плохое, поэтому вынужденная попросить перестать меня искать или как-либо пытаться помешать моим планам.

Выслушав девушку, Артём призадумался. Он, честно говоря, сомневался в том, что кто-то может быть в чем-то прав или не прав по настоящему, если говорить об идеологических вещах, по крайней мере. Каждый был по-своему прав или по-своему лев.

– То есть это угроза?

– Нет. Я увидела в тебе потенциал на благое дело и поэтому пришла предостеречь. Я делаю только то, что должна.

– Я тоже делаю то, что должен, – сказал Артём.

– Режим и отсутствие свобод тормозит человечество. Мы хотим, что бы развитие двигалось вперёд!

– Ага, фперед, – перекинул ее Артем, а затем добавил, – фперед и налево.

Девушка кивнула. Затем мир вокруг начал исчезать и Артем проснулся.

***

Зоя попросила его остаться в стороне и дать вещам течь своим чередом. Возможно, с какой то стороны, это было вполне разумным выбором, особенно если вспомнить, чем все закончилось в прошлый раз. К тому же ничего не делать было излюбленным занятием Артема. Но он почему-то чувствовал какой-то странный азарт. Он понимал, что он способен поймать Зою и понимал, что это действительно важно. Но был ли он все таки прав? Является ли Зоя злом, или правда на ее стороне, хотя бы в какой-то степени? Остановив ее он спасёт жизни, предотвратив возможный теракт. Все верно и правильно. Сомнений быть не должно. Но почему-то они были. Если он спасёт жизни, остановив ее, то что будет с жизнью Зои после того, как ее поймают? Вероятно ничего хорошего. Действия или бездействие. Как ни крути, последствия будут кровавыми. Возможно, дело было в том, о чем телепаты из отдела чтения разума старались не говорить. Мы чувствовали родство со всеми людьми, обладающими даром, даже с Пророками. И это родство было гораздо больше, чем с остальными людьми. И все же он должен был делать свою работу. Явления красивой и интересной девушку с нежным голосом и

чарующей улыбкой, какая была у Зои, все-таки не достаточно, что бы он отвернулся от того, что он считал правильным.

***

Достаточно не просто выполнять задание по типу «пойди туда не знаю куда, найди то, не знаю что». Учитывая, что их сняли с патруля, график у них был как бы свободный. Поэтому Алена попросила Артема позвонить ей, как только он что-то услышит или почувствует, а сама тем временем решила хорошенько выспаться. Для того, что бы бороться с сильным врагом нужно много сил. А для этого нужен хороший сон. Во всяком случае, так она себе объяснила своё право наслаждаться отдыхом. Каким бы странным это ни казалось, но в подобной охоте один день мало что решал. Так, во всяком случае, ей сказала Кира, у которой уже был подобный опыт. К тому же Алена не раз бывала в различных передрягах, и жизненный опыт научил ее, что когда можно спать, нужно спать.

Не смотря на то, что Алена проспала достаточно времени, звонок от Артема все таки приняла без особого удовольствия.

- Да? – сонным голосом проямлила она.
- Нужно встретиться, я кое-что услышал.
- Где встретимся?
- Я еду к тебе. Минут через 20 буду, собирайся.
- Хорошо, хорошо. Я практически в боевой готовности.

***

- Что ты услышал? – спросила Алена.

– Она явилась ко мне во сне. Говорила, что б я не искал ее, и задвигала стандартную, достаточно левую, «политику партии» Пророков. После этого я начал очень отчетливо слышать ее мысли. Достаточно отчетливо, что бы разобрать ее намерения. Короче ведьма хочет грохнуть генерала Дорохова.

- У Дорохова нет дара, так ведь? – уточнила Аня.

– Насколько мне известно, нет. Но это значительная фигура. Согласно пропаганде Пророков, одно из наиболее характерных лиц режима.

- Я думала, что она хочет что-то взорвать, как в прошлый раз.
- Видимо, она решила разнообразить свою деятельность.
- Ох уж эта творческая интеллигенция, – подытожила Алена.
- Но нет никакой гарантии, что это не имитация. Уж больно все это напоминает подставу. Но нужно сообщить шефу.

Алена сняла щит со своих мыслей. Подумала об Ильине, затем о сложившейся ситуации и услышала его голос у себя в голове.

«Генерал известная личность. Официально он играет большую роль в политике страны. Но на деле все несколько иначе. У Дорохова нет дара. Сам по себе он не столь важен. Убийство его может быть выставлено как победа для Пророка. Но для нас это никак не будет поражением. У нас есть большое количество генералов ему на смену. Мы может позволить себе эту потерю, если что-то пойдёт не так. Так что ловите на живца».

- Он сказал ловить на живца.
- А если это засада и нас грохнут?

Алена пожала плечами:

- Значит, не повезёт.
- Спроси у шефа, можно ли подключить третью группу для страховки?
- Он сказал можно.

Артём мысленно передал сообщение Кире, что бы они следовали за ними для страховки.

Артём вычислил местоположение генерала Дорохова. В этот момент он находился на совещании в одном из административных зданий на улице Адмиральской.

Добравшись до улицы Адмиральской, Артём и Алена начали внимательно осматривать все вокруг и сканировать разумы людей, находящихся на этой улице. Ничего подозрительного они не услышали. Но увидели. Девушка со снежно белыми волосами, в белом платье, однозначно выделяясь на фоне окружающих ее людей, сидела за столиком

уличного кафе и спокойно попивала чай. Взгляды Артема и Алены остановились на ней. Затем они перевели взгляды друг на друга.

– Наша клиентка, – произнесла Алена.

– Угу, – буркнул Артём.

– Даже не пытается спрятаться. Вот же мразота.

– Ловушка.

– Сто процентов, – подытожила Алена.

– Как насчёт попасть прямо в неё?

– Вполне логичное предложение.

Они подошли к столику, за которым сидела Зоя.

– Вы не против, если мы составим Вам компанию? - произнесла Алена.

– О, конечно, нет. Позвольте мне налить Вам чай, - вежливо предложила Зоя.

– Конечно, мы не откажемся от чая, правда, Артем? (Артем кивнул) Это так мило с Вашей стороны, - так же вежливо ответила Алена, глядя на Зою как на дерьмо.

Алена с Артемом сели за стол и Зоя налила чай из чайника в стоящие перед ними чашки. На самом деле он не очень хотел чай. Дело в том, что перед замесом Артем классически хотел отлить. Обладающий мочегонным эффектом чай только подстегивал это желание.

– Я рада, что вы пришли, – сказала Зоя.

– Да, мы тоже в восторге, – ответил ей Артём, но без особого энтузиазма.

Они посидели немного молча, пока Алена не решила нарушить молчание:

– Нам, конечно, было бы очень приятно побеседовать, или вот так вот просто посидеть вместе. Но ты вынуждена сейчас пройти с нами. Ты задержана.

– Я так не думаю, – ответила ей Зоя.

В этот же момент все люди на улице, которые, казалось бы, шли по своим делам, общались друг с другом или занималась тем, чем им нужно было, вдруг остановились. Затем они посмотрели на стол, за которым сидели Артём с Аленой и Зоей, и часть из них двинулась к столу, окружив его. Алена заметила у некоторых из них оружие.

Алена с Артемом отреагировали на происходящее максимально спокойно. Ещё когда они увидели Зою, сидящую посреди улицы и не пытающуюся прятаться, они поняли, что перед ними Пророк, способный управлять разумом других людей. Происходящее вокруг только подтвердило их опасения. Теперь они были в руках Зои.

– Что тебе нужно? – Артём пытался говорить спокойно, но его голос все равно звучал напряжённо.

– Я уже говорила тебе. Падение режима. Свобода людей. Свобода их мыслей. Ничего того, что не должно было бы по праву принадлежать людям.

– И поэтому ты хотела убить генерала Дорохова, и вероятно убьешь его, по-видимому, вместе с нами.

– Я не трону вас, если вы присоединитесь ко мне, творить правое дело.

– Но это правое дело только с твоей стороны. Кто дал тебе право решать что, правда, а что нет? Или это правда только потому, что это красиво звучит? Звучит КАК благие намерения. Откуда нам знать, что вы действительно хотите добра и свободы. Может, вы просто даёте волю вашей жажде крови, жажде убийства, а слова о свободе нужны лишь, что бы оправдать свои действия.

Слушая слова Артема, Зоя была спокойной, но в ее глазах все же появилась тень озлобленности. Затем она ответила ему:

– Правда в том, Артём, что из-за таких как вы, постоянно лезущим в головы людей и читающих их мысли, люди все время живут в страхе. Боясь за собственные мысли. Боясь быть самими собой. Это насилие. Вы говорите, что это вся для блага людей. Но на самом деле за этим вы прячете жажду к власти.

– Мы не даём людям проливать кровь друг друга. Это факт. Люди бояться нас, но больше не бояться друг друга. Потому что знают, что мы

придём и защитим. А значит, видят в нас не только источник страха, но и источник порядка. Это то, что достигалось и достигается неимоверными усилиями. Говори, что хочешь, но важнее этого аргумента я не вижу ничего, - сказал Артём, все более и более повышая тон.

– Нельзя держать людей в клетке! Просто нельзя! Да, будут жертвы. Но люди должны сами прийти к тому, что нельзя убивать друг друга. Это понимание придёт путём тяжелого опыта и ошибок. Без свободы выбора общество не сможет стать достаточно развитым, что бы достичь этого понимания. И это понимание будет самым надежным щитом от насилия. Вся остальная защита хрупка и не долговечна. Не мы, так другие придут бороться с вами.

– То есть я должен подсобить вам перемочить кучу народу и ввергнуть страну в хаос, так как по вашей теории потом все будет хорошо? Возможно. А может и нет. Я не позволю вам творить тут беспредел!

– Ты ничего не сможешь сделать, потому что свобода... – слова Зои прервал громкий зевок Алёны.

– Эх. Как жаль, что эта унылая болтовня будет последним, что я услышу перед смертью, – подытожила девушка.

– Не будет, – раздался голос Киры, которая подошла к ним. Рядом с ней шёл маленький мальчик лет одиннадцати.

«Третья группа прибыла» – с облегчением услышал Артём мысли Алёны.

– Вы и детей заставляете работать на вас? - сказала Зоя глядя на мальчика из третьей группы.

– Заткнись, курва, - ответила тот. Зоя удивленно взглянула на него в ответ.

– Егор, мне кажется, или все собравшие тут люди очень хотят спать?

– Мне тоже так кажется, Кира.

Егор закрыл глаза и в тот же момент все люди на улице легли на землю и уснули.

– Что ж, Аренградская ведьма, ты конечно совершила серьезную ошибку, пойдя в любовую атаку. Пряталась бы себе, скрывала мысли друзей террористов, выполняющих за тебя грязную работу. Нашептывала бы из тени... Возможно Артём и поймал бы тебя, а вполне возможно и нет. Возможно, я поймала бы тебя, а вполне возможно тоже нет. Но идти в лоб против нас, учитывая, что у нас есть вот этот парень, – Кира кивнула в сторону Егора, – решение явно не самое умное.

Егор обладал невероятно сильной способности к управлению разумом других людей. Из-за этого он являлся одним из главных орудий «Разума 22».

Зоя попыталась встать, но Егор закрыл глаз и она тут же села обратно.

– Кира, ты же сказала, что тут будет сильный Пророк! – обижено произнёс Егор.

– Не выпендривайся, – ответила ему Кира.

Зоя смотрела испуганными глазами на мальчика, не в силах пошевелиться. Егор тем временем подошёл к ней, положил ей руку на висок, и Зоя уснула.

Тем временем Алена поднесла к лицу Зои ткань со специальным снотворным. Данное снотворное обладало свойством сковывать силы телепатов.

«Кажется дело сделано. Они с Аленой живы. К тому же они спасли генерала. Ведь спасение человеческой жизни и было для них самым главным», – подумал Артём.

– Больше вони была, чем дела, – сказала Кира глядя на спящую Зою и добавила. – Жаль, что она генерала Дорохова грохнуть не успела. Тот ещё ублюдок, если честно.

Егор согласно закивал.

***

Артём стоял и смотрел в окно, за которым виднелись горящие окна многоэтажек. Он очень любил этот вид. Вид ночного города. Артём смотрел и думал, прав ли он, а может, правы пророки? Является ли чтение мыслей нарушением человеческих прав, а даже если и так, неужели

предотвращение преступлений не является достаточным поводом эти права нарушить? И зачем на свете начали появляться люди с таким даром, как у него? И самый главный вопрос, который его мучил: Заслуживают ли люди свободу? Он понимал, что возможно лучше было бы просто не думать обо всем, об этом. Но он не мог не думать. Наверное, нужно довольствоваться простыми истинами. Но простые истины часто скрывают глубокие проблемы, о которых мы не хотим думать. Но ведь и переусложнить все тоже не правильно.

«Что за бред у меня в голове?», – спросил он мысленно сам у себя.

Затем Артем посмотрел на Алёну, спящую на его кровати.

«Какая же она все-таки красивая» – подумал он и лёг рядом с ней.

4. Три белых коня

Воздух над Ареной был пропитан страхом и нетерпением, но всё равно это место оставалось, прежде всего, местом надежды. Надежда угадывалась и в немом движении губ, невольно повторяющих зазубренное заклинание, и в тихом шорохе сжимаемого рукой оберега. Это стало традицией. Ритуалом. Молитвой. Воззванием к Светлейшему... Но правда была в том, что никто их не услышит, и уж тем более, не поможет.

Знали ли это несколько десятков учеников, толпящихся здесь спозаранку? Вряд ли. Я окинул взглядом кучку юнцов, с ответным интересом разглядывавших нового конкурента, и занял очередь.

Арена. Помню, каким воодушевлённым дураком я шёл на неё в первый раз: тогда я вылетел с Турнира, даже не успев понять, что участвовал в нём. Во второй раз я казался самому себе опытным, заматеревшим участником, но всё закончилось не менее печально. В третий я свысока поглядывал на зелёных новичков, презрительно посмеиваясь про себя: я-то знал, кто станет Мастером в этот раз – мимо. В четвертый... даже вспоминать не хотелось.

В этом году я участвовал в Турнире седьмой раз – последний для меня.

Я ненавидел это место. Место разбитых надежд.

Рог Распорядителя, похожий на рёв страдающего от насморка слона, дал сигнал к началу регистрации участников Турнира. Огромные, из чёрного металлического кружева ворота медленно распахнулись. Очередь зашевелилась, оживлённо переговариваясь вполголоса.

Я семенил в этом человеческом ручейке, озираясь по сторонам и ни на чём не задерживая взгляд. Я знал это место, как свои пять пальцев: слева – высокий зелёный шатёр Распорядителя; справа на круглой и плоской, словно блюдо, площадке из белоснежного мраморианского камня две статуи высотой в пятнадцать человеческих ростов – Грифона и Единорога – символов Турнира; впереди – Арена.

Участники шумной толпой толклись возле входа в шатёр. Время от времени их накрывал грозный окрик Распорядителя, очередь замирала, но через мгновение над ней снова повисал гвалт. Я стоял последним, как раз

под копытом вздыбленного марморианского единорога. Я знал – успеют все.

Хотя меня больше занимал вопрос, кто из Мастеров станет моим соперником на этот раз, всё же я из любопытства глазел на волнующийся передо мной человеиник, стараясь вычислить счастливииков, которым сегодня улыбнётся удача. Большинство были едва оперившиеся ученики, которые участвовали в Турнире впервые и которые с треском вылетят из него, если, конечно, они не гении. Но некоторые лица оказались мне знакомы по прежним турнирам. О, эти являли собой воплощение сдержанности, спокойствия и опыта и снисходительно поглядывали на возбуждённую молодёжь. Знакомая история.

Наконец я очутился прямо перед входом в шатёр Распорядителя. Полог шатра был откинут и закреплён. Прямо на входе стоял основательный, совсем не потемневший от времени стол из розовой сосны. Сидевший за ним Распорядитель, в отличие от стола, с каждым годом всё больше отдавал замшелостью. Его тёмно-коричневая одежда с зелёной оторочкой, напыленная для важности в несколько слоёв, усиливала это впечатление.

Сморщенный гриб в остроконечной шляпе игнорировал меня, делая вид, что с головой погружён в свою большую амбарную книгу толщиной с кирпич, в которую он вносил всех прибывших на Турнир и производил какие-то одному ему известные подсчёты. Показать участнику его место – тоже часть ритуала. Я смиренно ждал.

– Имя, клан, звание, возраст, – прогнусавил Распорядитель, посчитавший, что я в полной мере осознал свою ничтожность.

Я с трудом назвалсЯ. Шляпа Распорядителя затряслась в такт записывавшей руке.

– Поставь подпись напротив своего имени и подтверди кровью, – старый пень ловким движением развернул книгу ко мне.

В длинной таблице с именами, значками, цифрами и аббревиатурами моя строка была последней. И всё же я проверил имя, а затем провёл пальцем вдоль строки до нужного окошечка для подписи.

«УМ» – машинально прочитал я про себя записанное в строке, – «22».

Ученик Мастера, 22 года. Я был самым «старым» участником на сегодняшнем Турнире. Печально.

Я поставил закорючку напротив своего имени, проколол палец специально лежавшей рядом с книгой серебряной иглой и оставил густой кровавый отпечаток поверх своей подписи, а затем отошёл в сторону, ожидая общего инструктажа, который, само собой, я уже знал наизусть.

Распорядитель долго и нудно объяснял правила. Некоторые слова менялись, но смысл был всё тем же: либо ты, либо тебя. Чтобы стать Мастером, нужно одолеть Мастера. Я зевнул.

– А теперь встаньте в одну шеренгу, чтобы я вас пересчитал и сверился со списком, – после этой фразы старого пня, мнившего себя вершителем судеб, уже имело смысл напрячься.

Снова суета, сдержанные смешки, топот ног, толкание – шалят нервишки-то!

Я был последним зарегистрировавшимся участником Турнира, поэтому все стали строиться от меня, приняв мою скромную великовозрастную персону за своеобразную точку отсчёта. За голову той самой рыбы.

– Раз «УМ», – указал на меня своим костлявым пальцем старый формалист, начиная свой окончательный подсчёт. – Два «УМ», три «УМ», – Распорядитель двигался вдоль шеренги, монотонно бубня вслух, наверное, чтобы не уснуть во время счёта.

Закончив считать, он что-то пометил в своём гроссбухе, затем скомандовал следовать за ним, и мы двинулись к Арене по вымощенной всё тем же марморианским камнем дорожке.

Это было молчаливое шествие. Наконец-то эти бедолаги поняли, что им придётся умереть сегодня и не единожды. Я усмехнулся.

Но всё же при виде Арены толпа юнцов не смогла сдержать возглас восхищения. О, да! Арена была прекрасна! Чудесный, не сравнимый ни с чем, кусок живой, дышащей земли!

Легенда гласила, что однажды Светлейший, устав от трудов, прилёт отдохнуть здесь и надолго уснул. Его Животворящий Дух проник в

землю, наделив её невероятными магическими свойствами – оживлять неживое.

По легенде очертания Арены повторяли очертания тела спящего Светлейшего – когда он бродил по земле, он обретал тело. На деле это был довольно значительный участок земли неровной овальной формы.

На мой взгляд, вся эта легенда была шита белыми кармитными нитками, «прочность» которых стала притчей во языцех, но чудодейственность Арены была фактом, против которого никто не мог возразить.

Воздух над Ареной переливался серебристо-бирюзовым светом. Любая сильная эмоция человека, попавшего сюда, оставляла в воздухе карминный след, который, словно песок, рассыпался через несколько мгновений. Достаточно было закрыть глаза и подумать о чём-то волнительном, а затем сделать шаг. Оставшийся яркий отпечаток точно повторял очертания тела человека, мгновение назад стоявшего на этом месте, а затем рассеивался без следа.

На Арене не было растений. Хотя здесь пытались их сажать, надеясь, что они также будут обладать чудодейственными свойствами. Мягкая оранжевая земля легко принимала любую форму и надолго сохраняла её, но за пределами Арены она чернела и переставала отличаться от обычной. Не было здесь и никакой живности, даже насекомых.

А ещё Арена дышала. С одной её стороны, у самого края, в землю врезались три узких, в форме полумесяца, впадины. Длина их была небольшой, примерно в человеческий рост, но глубину не могли измерить до сих пор. Когда в какую-нибудь из впадин опускали веревку или другой глубиномер, Арена «чихала». Впадина с верёвкой смыкалась, а потом с громким звуком, напоминающим хруст хвороста под ногами, раскрывалась. Вот тогда-то из впадин вместе с оранжевыми комками земли и вылетали Искры – Светлейшие начала. Ярко-голубые, не больше бисерины, светящиеся сущности, благодаря которым даже камень мог обрести жизнь. В буквальном смысле. Правда, не навсегда, а всего на пару-тройку часов, но для турнирных битв этого было достаточно.

При каждом «чихе» в воздух выбрасывалось до пары десятков Искр. Хранители аккуратно добывали Искры, затем собирали их в сосуды и

берегли до следующего Турнира. Учёт Искр был очень строгим: Распорядитель на фоне Хранителей выглядел жалким любителем.

Арену тщательно охраняли. Ступить на неё могли только Хранители и участники Турнира – Мастера и испытуемые, желающие стать Мастерами. Больше никто. Эта земля считалась священной.

Я физически ощущал восторженный трепет других участников. Многие из них ещё не знают, что плата за право ступить на Арену окажется слишком высокой. Фантомные боли после турнирных битв преследуют учеников не один месяц: ты не можешь спать, есть, а только снова и снова чувствуешь, как ломаются твои кости, разрываются связки, вылетают суставы, как твои внутренности пронзает калёный металл торпского меча или снигтского топора... Я умирал на Арене много раз. И хотя я сейчас цел и здоров, на мне нет живого места.

Распорядитель разделил нас на пары. Против каждой пары учеников выступал один Мастер. Мне достался в напарники рыжеволосый вихрастый мальчишка с испуганными, но не без хитринки, карими глазами. Возможно, через пару-тройку лет, у него будет шанс. Большинство учеников становились Мастерами к четвёртому-пятому Турниру. Очевидно, кроме персон, отличавшихся особым упрямством.

– Кова, – парнишка протянул мне мосластую ладонь.

«Не жилец» – вздохнул я, но всё же проявил вежливость:

– Альк-к-к-ко Ф-ф-фат, – я с трудом выговорил своё имя, усиленно помогая себе веками. Чем больше я волновался, тем сильнее проявлялось моё заикание. Иногда я просто не мог выговорить ни слова, поэтому предпочитал молчать. В моём клане меня прозвали Молчуном. Ну, хоть не Заикой. В прозвище «Молчун» всё же имелся некий флёр таинственности.

Кова выпучил на меня и без того большие глаза, но промолчал. Ясное дело, он-то надеялся разузнать у меня о подводных камнях Турнира, а тут такая засада! Согласен, парень, это знак: не стать тебе сегодня Мастером.

Рог Распорядителя простуженно возвестил о начале жеребьёвки.

– Кто будет тянуть? – спросил Кова и тут же спохватившись добавил:

– Ты?

Я кивнул. Не Кове же доверять это ответственное дело. Он и птичий помёт у себя на макушке не почувствует, не говоря уж о тонкой энергетике Мастера, который всего несколько секунд касался костяного жетона.

Правильный выбор Мастера – залог победы. Не все Мастера были одинаково хороши в каждой из четырёх игр Турнира. Во время жеребьёвки проверялась интуиция учеников, их умение предвидеть. Я знал, что мне нужно, Кова же меня не заботил.

В это раз перед Распорядителем стоял большой жеребьёвочный сосуд с узким горлом, в которое с трудом проходила рука. По правилам, прежде чем тянуть жребий, следовало закатать рукав и показать Распорядителю раскрытую ладонь. Так я и сделал. Старый хрыч долго и тщательно осматривал мою руку, разве что не обнюхал. Даже воспользовался магической лупой, показывающей различные ухищрения вроде невидимых магнитных тату, притягивающих нужный жетон.

Я просунул руку в горло сосуда и закрыл глаза: видимые образы отвлекали. От маленьких костяшек исходило лёгкое, едва уловимое тепло. Я погрузил руку в податливую массу, и перед моим взором пронеслись вспышки эмоций, чувств и ощущений Мастеров, чьи руки держали жетоны. Я медленно повёл пальцами. Зелёный цвет спокойствия: этот Мастер опытен и мудр. Нет. Бордовая вспышка нетерпения. О, этот будет крушить всё на своём пути, но способен овладеть инициативой и удержать её. Тоже нет. Пусть хоть в чём-то Кове повезёт.

Ядовито-фиолетовая насмешка... Высокомерен, загодя уверен в своей победе... То, что нужно. Я смело сжал жетон и вынул руку из сосуда. Распорядитель скрупулёзно внёс все три имени в очередной список.

Всего на Турнире было четыре игры. Право выбор состязания предоставлялось испытываемому. Это и, пожалуй, ещё то, что каждый Мастер участвовал не одним, а в двух состязаниях, было всем преимуществом участников.

Каждый новенький старался стать вторым из пары, надеясь, что Мастер устанет ко второй игре. Типичная ошибка новичка. Мастер не уставал в первом состязании, он в нём разминался. Настоящий, сильный удар обрушивался именно на второго участника.

Но Кова не разочаровывал: он просто из кожи вон лез, чтобы уговорить меня пойти первым. Я слушал его «убедительные» доводы ради развлечения, чтобы скоротать время, и кивал с серьёзным видом, улыбаясь про себя.

Номер Мастера, который выпал нам по жребию, был пятым. Это значило, что перед нами предстояло сразиться восьмерым участникам.

Заветный звук рога. Гомон, висевший над толпой, смолк. Игра началась. На Арену вышла первая пара участников и Мастер, который должен был с ними сразиться. Первую пару всегда вызывают вместе, после – испытуемые выходят по одному.

У самого края Арены на четырёх столбах были закреплены четыре щита: для каждой игры – свой. Удар по щиту означал, что ученик сделал свой выбор. Я играл во все четыре.

Первый участник выбрал Поединок. Не самый лучший выбор, но вполне приемлемо. Второй – Тиггийские Стенки. Самоубийца. Меня передёрнуло от воспоминаний. Долго ему будут аукаться эти Стенки.

Мастер под номером один был мне знаком. Его звали Суадико. Что ж, первые две игры закончатся быстро.

Хранители готовили Арену для стартового состязания.

Мастер и ученик не взаимодействовали между собой непосредственно. Они действовали через фигуры, оживляемые с помощью Искры и специального заклинания. Кроме одного нюанса: все ощущения были настоящими. Весь тот физический вред, который наносился фигуре, участник игры ощущал как свой.

Каждому участнику выдавалось определённое количество Искр – строго по числу фигур с его стороны. Управлять фигурами участники игры могли с любого места Арены, как им было удобно и необходимо – в этом они не ограничивались. Иногда случались и трагедии: в пылу состязания, ослеплённый болью, ученик сам попадал под топор или меч своей же фигуры.

В общем, зрелище было незабываемым.

Я отошёл в сторону и попытался сосредоточиться на своём плане. Вновь и вновь я проигрывал в своей голове ходы, стараясь предусмотреть все варианты ответных ударов Мастера, а моё сознание бесстрастно делало пометки: восхищенные возгласы – фигуры ожили; испуганные крики – кому-то сильно досталось; звук рога Распорядителя – конец игре.

Я стоял, погружённый в собственные мысли. Время для меня шло по-другому. Мир виделся совсем иначе: не образами, а сутью вещей и явлений. Пока кто-то не потерябил меня за рукав. Я глубоко вздохнул и вернулся. Кова, кто ж ещё.

– Хотел посоветоваться с тобой насчёт игры, – объяснил он свою наглость. Как будто это его оправдывало.

– Н-н-ну? – недовольно буркнул я.

– Как думаешь, что лучше выбрать? В Поединке Мастер меня точно уложит, – «Кова умеет думать?» – Сперва я хотел выбрать Стенки, но теперь... – он болезненно поморщился.

Я повернулся и посмотрел на Арену. Она походила на свалку старых сломанных вещей. Большая её половина была усеяна «убитыми» фигурами и их кусками – туловищами, руками, всё ещё сжимающими топоры и мечи, отсечёнными головами. В некоторых фигурах ещё мерцали яркими синими точками тлеющие Искры.

Я поискал глазами участников. Суадико пошатывался, но уверенно шёл сам. Ученик (да, по-прежнему лишь ученик) не смог не то что выйти, даже выползти с Арены. Он лежал на земле скрючившись и попеременно судорожно сжимал руками то плечи, то живот, то голову, тихонько подвывая. Четверо Хранителей с трудом переложили поверженного участника на носилки. От каждого прикосновения он начинал громко стонать. Тиггийские Стенки – игра не для слабаков.

– Ты же не первый раз участвуешь, Алько, – продолжал канючить Кова. – Посоветуй, пожалуйста, – в его голосе звучал страх. – Что лучше выбрать?

В любом случае этот Турнир для мальчишки проходной. Но на будущее... Он же уже начал думать.

– Ш-ш-шах-х-х-маты, – ответил я.

И не солгал. Но Кове не хватило ума даже на то, чтобы мне поверить, где уж ему провести партию.

– Издеваешься, – буркнул он обиженно и отвернулся.

Что ж. Спасение утопающего...

Как я и предполагал, первая пара участников занимала арену недолго. Об остальных что шли перед нами, можно было сказать тоже самое. Дольше всех сражался участник под номером шесть в игре «Аркийское поле». Я даже отвлёкся от своих дум – такая энергетика висела над Ареной. Дерзость, тактический ум и сильный дар предвидения почти привели этого парня к победе, но Мастер оказался хитрее. Такой же урок я получил на четвёртом Турнире: нужно выбирать не того Мастера, которого ты считаешь слабее, а того, который сам считает себя сильнее.

Распорядитель выкрикнул моё имя.

Я уже хотел сделать шаг, как кто-то схватил меня за руку.

– Я верю в тебя, – в карих глазах мальчишки светилась надежда. Кова ещё не знал, что надежда – самая ненадёжная вещь на свете. У него будет время усвоить этот урок.

Я кивнул ему и вышел на Арену.

Распорядитель учтиво подал мне деревянный молоток – на Арене все были равны.

С самого начала я знал, какую игру выберу. Я изучал, наблюдал, тренировался – я готовился. Сегодня или никогда – так для меня стоял вопрос. Те, кто покидал Турнир в седьмой раз, не став Мастерами, становились изгоями – обычными людьми. Они забывали свой истинное происхождение и доживали свою жизнь простыми смертными. Для меня такой исход был неприемлем. Победа будет моей любой ценой.

Я взял молоток и ударил по щиту. Гулкий звон, разнёсшийся над Ареной, возвестил о том, что участник номер девять выбрал игру «Шахматы Мук-Кул». Шахматы – игра стратегов и терпеливых. Терпел я долго. Пора было с этим кончать.

Я увидел, как лёгкой пружинистой походкой на Арену вышел Мастер. Любимчик публики. Впервые я увидел его пять лет назад на Турнире, где он стал Мастером. Он был ловок, силен и умён – триада его побед.

Мой сегодняшний противник быстро пересёк Арену, которую Хранители готовили для партии, и подошёл ко мне. Правила требовали от участников представиться и пожать друг другу руку в знак уважения и доверия.

– Сегин-Мастер из клана Железных дланей, – Мастер назвал своё имя, слегка поклонившись. Дотошный сукин сын.

– А-а-а-ль-ль-ко Ф-ф-ф-ат, – Чёрт!

Губы Сегина изогнулись в лёгкой усмешке. И это мне тоже на руку.

– Из клана Касающихся, – деликатно пришёл мне на помощь Распорядитель.

Именно – Касающихся. Жаль, моя сила распространялась только на животных, иначе я коснулся бы твоего разума, Сегин, и заставил бы тебя такое выделывать на потеху публики...

Я глубоко вздохнул. Всё это пустое. Главное сейчас следовать плану.

Хранители уже расставили фигуры. Предстояло определиться с их цветом. Распорядитель положил на большое серебряное блюдо два тончайших платка муаровой ткани – белый и красный и предложил мне сделать выбор. По правилам Турнира в Шахматах Мук-Кул именно ученик, как менее опытный участник, имел право выбора цвета.

Я поднял с блюда белый платок. Игра началась.

В моём распоряжении было двадцать фигур, выстроенных на игровом поле в две ровные горизонтали: десять солдат и десять статусных фигур, каждая из которых ходила по-своему и могла использоваться только в определённых случаях, а две – в исключительных.

Суть игры заключалась в том, чтобы завладеть одной из главных фигур противника – Муком и убить с её помощью вторую главную фигуру – Кула, при этом сохранив свой Мук-Кул в целости. Случалось и так, что игрок убивал Мука противника, не успев срубить его Кула. В таком

случае Мук противника мог быть повержен только сложной комбинацией других статусных фигур соперника.

Хранитель вручил мне сосуд с двадцатью мерцающими Искрами. Такой же сосуд получил Сегин.

Я открыл сосуд и ...

Светящаяся голубым светом маленькая живительная сущность мягко легла на мою ладонь. Она была чудесна. Я прикасался к Искрам уже добрую сотню раз, но тот восторг, который я ощутил впервые, никуда не исчез. Искра... Я думал, ты – союзница, но сегодня ты станешь моим оружием. Это просветление, которое наступает только тогда, когда ты стоишь на краю – жизни или решающего выбора. Эта истина открывается только тому, кто снова и снова падал лицом в грязь. Это знание, которого нет у таких, как Сегин.

Я приложил ладонь с Искрой к первой фигуре и начал читать заклинание.

Партия длилась уже около часа без чьего-либо перевеса, когда Сегин перешёл к решительным действиям. Он потерял терпение – я понял это по отчётливому тёмной-красному следу, повисшему над Ареной. Сегин ввёл в игру почти все свои статусные фигуры, срубив половину моих солдат. Мой мозг захлестнула волна боли, грудь разрывало от ударов. Я метался по полю, пытаюсь увести оставшихся солдат. За моей спиной тянулся, медленно исчезая, длинный карминный хвост.

В первом ряду у меня почти не осталось фигур. Мне нужно было прикрыть Мук-Кул. Пришлось использовать слонов и моих прекрасных белоснежных коней из марморианского камня – у каждого игрока их было по двое. Я с детства любил лошадей. Когда я касался их разума, я ощущал себя частью могучей стихии, которая могла смести всё на своём пути. Я чувствовал биение сотен сердец, слышал топот сотен ног, я был частью огромного коллективного разума, имя которому табун, и я мог им управлять.

Мне не нужно было прикасаться к фигуре, чтобы заставить её выполнить приказ – это был дар клана Касающихся. Я мог силой мысли дотронуться до разума животного, и мы становились единым целым: я – мозг, оно – тело. Я приказывал, оно подчинялось.

Пока боевые слоны, тяжело переваливаясь, шли к ближайшим солдатам противника, мои белые кони стремительно пересекли поле, срубив по пути парочку солдат Сегина, и вступили в схватку с обезьяной и медведем.

Силы были равными. На каждый мой манёвр – прыжок или удар, фигуры Сегина – обезьяна и медведь отвечали ударами, не меньшей ловкости и силы. Я чувствовал на своем теле их острые, как кинжалы, когти, которые разрывали кожу и мышцы.

Резкая сильная боль в ноге заставила меня присесть. Когда мой конь взвился на дыбы и уже был готов обрушить свои каменные копыта на голову медведя, тот резко прыгнул вперёд и впился мощной челюстью, словно капканом, в ногу скакуна. Сегун знал слабое место лошадей. Остальное было делом техники. Пока медведь крушил на части белоснежное тело моего коня, мне оставалось лишь корчиться от боли, пытаясь сохранить контроль над остальными фигурами: я должен был следовать плану.

Обезьяна Сегина была уже частично раздроблена и отступила следующим ходом. Я выбежал на поле, подсчитывая ущерб. Из солдат осталось только двое. Я прикоснулся к ним, дав приказ идти вперёд. Они меня не волновали. Решающая битва, как всегда, развернётся между статусными фигурами.

Среди обломков поверженного медведем моего коня ещё тускло мерцала Искра, отсчитывая последние мгновения его жизни. Оживляя фигуру, Искра становилась словно её душой, и когда фигура разрушалась, Искра умирала вместе с ней. Прощай, скакун, ты выполнил свой долг.

Мой другой конь не особенно сильно пострадал в схватке с обезьяной. Его бока были в сколах и глубоких царапинах, но он по-прежнему оставался боеспособным. Я мысленно дал ему приказ и последовал за ним.

Сегин также сделал ход конём.

Это было потрясающее зрелище, захватившее всех. Битва двух каменных животных, схлестнувшихся насмерть. Меня как будто молотили дубиной. Успокаивало только одно: то же самое чувствовал Сегин. Кровавое марево повисло над Ареной. Красные фигуры, красный конь,

красные следы мечущихся участников – я трудом различал разметку на поле.

Одновременно мне нужно было защищать тыл. Мук и Кул – оба на своих позициях растерянно озирались по сторонам, чувствуя угрозу. И не зря. Пока я и все остальные были захвачены величественной битвой коней, Сегин успел окружить мой Мук-Кул. В неразберихе фигур, боли и красного тумана я утратил контроль над Муком.

Испуганный вскрик толпы пронёсся над Ареной. Ноги моего белоснежного скакуна подломились, и он рухнул. Красный конь добивал упавшего. В сильном смятении, оставляя за собой густой карминный след, я подбежал к своему скакуну. Он был ещё жив, он держался. Он не мог сдаться – я приказал ему. Секунда, вторая и вот – финальный рёв трубы. Надсадный, жаждущий остановить побоище. Игра окончена. Я проиграл. Снова и в последний раз.

Я склонился над моим верным товарищем, который не предал и не отступил. Белые каменные глаза внимательно смотрели на меня невидящим взглядом. Душа коня ещё была в нём. Спасибо, что сохранил её для меня.

Я повернулся. Сегин стоял возле моего поверженного Мук-Кула и ухмылялся. Ты оправдал моё доверие, любимчик публики.

На выходе с Арены я столкнулся с Ковой. Он сочувственно кивнул и сжал мою руку. Я зажмурился от боли. По его глазам я понял: он выберет Стенки, но я всё же надеялся на обратное. Надежда – вот что отличало Арену от всех остальных мест на земле.

Я шёл по дорожке в сторону ворот. Мимо шатра Распорядителя, мимо Грифона и Единорога – символов Турнира. Подняв голову, я окинул взглядом знакомые до мельчайшей чёточки фигуры. Грифон, конечно, выглядел опаснее, но я любил лошадей.

Маленькая голубая Искра ещё мерцала в моей сжатой руке, но следовало поторопиться. Я раскрыл ладонь и приложил руку к каменному копыту единорога. Через несколько секунд земля подо мной вздрогнула от тяжести опустившегося на четыре ноги скакуна. Я коснулся его разума. Мы стали одним целым.

– Куда прикажете, хозяин?

– Ф-ф-ф-перёд и н-н-немного левее! – скомандовал я.

Ход единорога был подобен грому. Крики ужаса, доносившиеся с Арены, ещё долго будут услаждать мой слух.

У настоящего Мастера свой путь становления.

Я улыбнулся и зашагал в сторону Тёмных земель.

5. Губители

Трое бравых космических рейнджеров — авантюристов, чуточку пиратов, чуточку торговцев и самую малость героев — вошли в шлюзовую камеру лайнера колонистов-пуритан "Первозванный", который вдруг замер на пути к Новому Новому Свету и подал сигнал "SOS".
Мрачная капитанша Тмутараканова, чей древнерусский — хоть икону пиши! — лик был обезображен скептической ухмылкой, поглядела на неоновый постер с Девой Марией — ладошки белые сложены, глазки скорбные, васильковые, — и хмыкнула:

— Фанатики. Пусть им Бог помогает, и чего мы сюда полезли, лучше б на Денеболу дальше шли, у нас трюм добром под завязку забит, только топливо тратим на всяких убогих. Заберутся чёрт знает куда, набедокурят — а потом сигналы свои шлют, спасите-помогите. Вот умеете вы уговаривать, души добрые.

— Кто мы-то, кто мы? — возмутился старший помощник Клаус Вайс с тревожным прозвищем Шпицрутен. — Это всё этот твой, Мурко.

Тихоня Ким Мур Ко, щуплый полукот-полукореец, которого Шпицрутен все на малоросский манер звал, насупился и чихнул.

— Ребята, ну надо же помогать людям, ну чего вы такие злые? Вот помните, как мы с Шпицрутенем — еще во флоте, когда он еще просто Клаусом был — застряли в гипере с движком покоцанным, так нам крестоносцы помогли, рембота прислали...

— Ага, как же. Ихними молитвами, еще скажи. Мы ж потом этим святошам весь год за того жалкого рембота служили, то там, то тут еретики у них, переться на край галактики, чтоб выжечь пару деревушек-гнилушек именем Господним, — бурчал бывший Клаус Вайс, но сам-то помнил, что тогда они на иквизиторских контрактах отъелись неплохо, так отъелись, что он с Мурко в долю к княжне и вступили — где б им еще столько кредитов заработать, а? Тмутараканова, она ведь непростая. Она из старых монархий, корабль у неё — высший сорт, квантовый движок, да на фамильной черной материи пашет. Корабль этот — всё, что у Анастасии от прежнего величия осталось, все остальное сгнуло, вместе с планетой Земля в незапамятные, дремучие годы Великого Пепла. Самый быстрый корабль в двенадцати человеческих системах, и называется

шикарно, с выдумкой, на которую только княжеская кровь хитра - "Смута". И сама Анастасия Тмутараканова — баба хваткая, хоть и злая. Кого попало в долю не позвала бы. А вот их с Мурко — позвала, уж больно слава у них страшная была. Настоящие, честные губители.

— Ладно, раз уж мы тут, давайте узнаем, что тут случилось. Пусто что-то, глухо. Не выходят, не встречают нас, спасителей своих, — капитанша клацнула кнопкой коммутатора:

— Приветствую! Есть кто живой? Рейнджерский крейсер четвёртого, высшего класса "Смута" изменил свой курс и откликнулся на ваш призыв о помощи во имя чести и славы отечества нашего земного! — за дверью что-то шоркнуло, скрипнуло.

— Вот не можешь ты без этого своего, великокняжеского, а, ваше сиятельство? — Шпицрутен посмотрел на свою капитаншу с гордостью и почитанием. Любил он этот старосветский говорок. Честь, слава, порода и всё такое. Лоск, которого ему самому не доставало.

Тем временем замок щелкнул, створки двери с шипением разъехались в стороны. На пороге стоял невысокий гусеничный дроид. На его полированном пузике мигал красный светодиод, видно, что-то с ним нехорошее приключилось. Дроид вскинул правый манипулятор в жесте приветствия:

— Ох, как вы вовремя прибыли! У нас тут такая беда, такая беда! Ой-ой! Спаси и сохрани! Что делается-то, а! — рейнджеры удивлённо переглянулись: этому дроиду явно кто-то пиратскую прошивку поставил, блок эмоций просто искрит.

— Слушай, приятель, — Мурко потрепал Дроида по хромированной макушке. — У тебя программа явно сбоит, ты бы запустил протокол самодиагностики.

— Вы намекаете, что я... Что наша раса не имеет права на чувства?! — возмутился дроид и вдруг захныкал. Так плачут детишки, если им мороженого не покупают. — Все вы злые! Нехорошие! Чёрствые! А я, между прочим... А я!..

— Так. Отставить истерику! Сейчас я тебя, — Анастасия легонько стукнула дроида по груди, там, где у него было тактильное меню управления. Внутри звякнуло, и на пузе выступила алая надпись "Ошибка инициализации". Дроид пискнул:

— Ай! Вы чего это удумали, чинить меня?! Меня! Чинить! Вот вас бы, нехороших, чёрствых, кто починил!

— Ладно. Чёрт с тобой, говори, где ваш капитан, что у вас за беда такая, — потребовала княжна.

— Капитан... Наш капитан Антоний! Вот хороший человек, талантище... Ой, беда, беда! Помилуй нас Господь и Богородица, сжался над нами пустота! О... — запричитал дроид.

— Ох, может ну его, а? Давайте мы все тот час пойдём на наш корабль. Пусть этот кретин юродивый тут до третьего пришествия ноет. Нужен он больно, — Шпицрутен терпеть не мог нытиков, терпеть не мог дроидов, железяк бездушных, загадки тоже ненавидел, в общем, всё он в мире презирал и вообще с самого начала был против этой затеи.

— Ой, нет-нет! Не уходите! Не покидайте! Простите меня, дурака безгрешного! Я вам сейчас все расскажу, всё поведаю! — встрепенулся дроид, мигом прекратив стенания. — Я же... пардон, наш экипаж, все наши братья и сестры, так ждали вас! Так ждали! Два года ждали! Вот, третий год пошел, как ждем читателей... то есть, спасителей наших! Идемте за мной, вперед, вперед! — и дроид резво покатился по коридору, напевая какой-то глупый псаломный мотивчик.

Рейнджеры пошли следом. Шпицрутен бормотал под нос, мол, не нравится ему всё это, не нанимался он на такое, вот сейчас уже бы уже сидел бы в каюте своей, слушал бы Вагнера, ждал бы, когда гиперпространственный тоннель пасть раскроет, а там Данебола, сбыли бы ту партию контрабандных атлантских пушек — и в бар, да по кружечке пенного, но нет, полезли, куда не надо, плохо это кончится, плохо, плохо...

Анастасия Тмутараканова молча шла вперёд, хмурилась. Правая рука лежала на рукоятке бластера. Чужалось что-то совсем скверное. Эти странные оговорки поломанного дроида не на шутку её встревожили. Кажется, что зря она поддалась на уговоры Мурко, но уж больно она своего полукота-полукорейца любила. Как начнет он глаза делать жалобные, честные, как хвостом пушистым завиляет, муркнет — ну как тут устоишь? Её всегда поражала крепкая дружба симпатичного умницы Мурко и вечно кислого, мрачного Шпицрутена. Но потом она вспоминала, чем эта парочка прославилась, шестнадцать колоний, впавших в ересь, наставили на путь истинный, такой истинный, что во всех мирах названия тех испепелённых городков и произносить вслух бояться. Бывало, после пары бутылок мятного ликёра добренький Мурко становился вовсе не ласковым котиком, глаза вспыхивали злыми изумрудами, показывались зубки острые, когда он с шутками-прибаутками заводил сказ об их с Клаусом увлекательных приключениях на службе Галактическому Кресту. "Представляете, Анастасия Николаевна, мы им пообещали буллу добыть, чтоб они, значит, свой дуализм не таясь исповедовали. Вот придумали же! Ха-ха! Раз живут в системе с двойной звездой, то и бога располовинили! Уморы! Мы им напели в уши, дескать, прониклись их учением, молодцы, мысль духовную развили. Провожали они нас, плакали, благослови вас оба бога, мол. А мы с орбиты по координатам их тайных катакомб — неделю втирались в доверие, чтоб нас туда отвели, вот упёртый народец! — как шарахнем ракетами, ха-ха-ха! Помнишь, Клаус, мы на премию потом неделю гудели, как там эта планетка называлась?". "Содом", — хрипел первый помощник. "Да, точно, на Содоме, где ж ещё! И еще три тысячи кредитов заначили! Славно было же, ну!" — вот тебе и Ким Мур Ко, полукот-полукореец. Корея — она ж не только южная была, но и северная. Так и метисы оттуда противоречивые вышли. Вот и сейчас, только глянь на него, идет мягким шагом, ушки на макушке, благостный весь, а что у него на уме, чего он так упрашивал помочь этим пуританам? Уж не углядел ли позывной какой знакомый из старых добрых инквизиторских времён...

— Да уж. Втянул ты нас в переплёт, гад пушистый. Вот чую, — шепнула Анастасия в розовое ушко младшему помощнику.

— Я? Втянул? Нет-нет, я просто... Из милосердия к ближнему, к тому же божьи люди, надо помогать, Анастасия Николаевна, — промурлыкал

Мурко. — Уж кому как не вам, Анастасия Николаевна, понимать, что такое честь, совесть и доброта, Анастасия Николаевна!

— Ишь, манеру взял, выкать да по отчеству, как неродной, ей-богу, — на самом деле, капитанша страх как любила эти политесы Мурко. Грели они её царственную, гордую душу.

Дроид довёл рейнджеров до развилки. Справа, за стеклопластиковой запечатанной дверью, в призрачном свете неоновых ламп виднелись ряды криокапсул. Все они, судя по всему, были заняты. Ближе всего к двери покоился длинноволосый человек с редкими усиками. Мурко подошел к двери и пристально взгляделся всевидящим кошачьим взором.

— Что это тут у вас, все по коробочкам? А кто же за кораблём следит, где вахта? Ты, что ли, железяка — вахта? По уставу вахта с биоразумом положена, вам что, устав не писан? — поинтересовался Шпицрутен у весело бегущего по левому коридору дроида.

— А это, с краюшку, капитан Антоний, верно? Который хороший человек и талантище, — произнес умница Мурко. — Вот, Анастасия Николаевна, видите, на ключице у него татуировка? Это тау-крест с колокольчиком. Символика святого Антония, как вы, разумеется, и сами знаете, Анастасия Николаевна.

— Итак, может, объяснитесь? Что тут, во имя пепла отечества, происходит?! Почему ты дежуришь один, почему не разбудил капитана? — вскипела княжна и выхватила бластер, целясь в притихшего дроида.

— Видите ли... — замялся тот. — Разбудить его никак нельзя, не велено, пока не... Как я уже говорил, беда у нас. Ой, какая беда, горе-горюшко! — дроид явно приготовился снова захныкать, но Шпицрутен ему заехал кованым ботиком по гусенице. — Всё-всё, не стучайте, я понял, понял! Сейчас, дойдём до кают компании, сядем, чаю с вареньем... А то в ногах правды нет, верно?..

— Ваше сиятельство! Дайте я ему башку откручу! — взмолился Шпицрутен. — Это сволочь поломатая, небось, спятила, сама всех тут прикончила и по камерам рассовала! Знаем мы эту публику, чуть что, проводок какой искру даст, так сразу с катушек едут! Открутить башку ему, шлюз — и в вакуум!

— Не горячись, Клаус. Зачем-то же он дал сигнал? Не для того же, чтоб мы его уничтожили, — сказал мудрый и безупречно логичный Мурко. — Да и три закона, помнишь? Не могут они вред людям причинять, даже когда у них программа сбоит. Подкорка не даёт.

— Да кто его знает, мозги же набекрень. Хотя, — задумался Шпицрутен. — Ты прав. Не так-то тут все просто, думается мне. Но то пусть княжна наша решает.

Анастасия вздохнула, спрятала бластер и произнесла, строго глядя в фасеточные глазницы дроида:

— Хорошо. Хорошо, раз уж мы тут, то выслушаем твою историю.

— Выслушают мою историю! Ура! Аллилуйя! Они хотят выслушать мою историю, они сами попросили! Ис-то-ри-ю! — восторженно запищал дроид и припустил по левому коридору.

Рейнджеры отправились следом. Капитанша заметила, что Мурко как-то странно глядел на тело капитана Антония, с искренней болью, что ли. Будто знал его. Или померещилось?

— Скажи-ка, Мурко, ты, случайно, не был знаком с этим капитаном? — спросила Анастасия, поравнявшись с плетущимся в хвосте поникшим Мурко. — Ты лучше не ври мне, я этого не терплю. С самого начала мне казалось, что неспроста ты так вострепнулся, когда сигнал отсюда поймал. Друг какой из прошлого?

— Какая вы всё-таки проницательная, Анастасия Николаевна, — ответил Мурко. — Да не то, чтобы друг... Так, знакомый один по службе. Еще до того, как нас с Клаусом в пару на истребитель определили, были мы с ним друзьями. Пока он не... Даже не знаю, как сказать.

— Да говори уже. Нам эта скрытность твоя дорого обходится! — княжна так громко шептала, что Шпицрутен, неотступно следовавшей за дроидом, сбавил шаг и прислушался.

— Понимаете, он сначала просто странный был, ну, с идеями. С выдумками всякими. У него родичи из еретиков были, вот оно и прилипло к нему, всякая блажь. А потом еще стал рассказы писать. Страшно подумать, фантастические рассказы, очень, очень плохие. И слезливые до жути, вечно у него в конце котик какой одноногий или собачка... И что

самое дурацкое — требовал, чтоб я, как самый умный в казарме, читал его писанину и критику ему выдавал, и упорно так приставал, одним "нравится-не нравится" не отделаешься. Вечно спрашивал, а что именно хорошо, что плохо, а почему, а как надо. Я ему тогда так и сказал, ты мол, Антоний, человек хороший, но прости великодушно, графоман ты, Антоний. Не твоё это. Лучше бы тебе делом заняться полезным. К тому же, ну кто сейчас вообще книги читает? Устарело это. Как есть сказал, искренне... А он обиделся. Так обиделся, что аж из флота ушел. Уж не думал, что еще когда-нибудь увижу его... Эх. — Мурко потупил взор и замолчал.

— А я помню того чудилу из учебки! Ха! Так вот почему мне рожа его елейная знакомой показалась! — подал голос Шпицрутен. — Вот я считаю, что правильно ты ему сказал. Негоже правильному мужику такой лажей заниматься. И хорошо, что пилотом не стал, пилот Имперского Флота должен быть грозен, смел и без тараканов в башке. Вот самое место этому Антонию на корыте со святошами к чёрту на кулички лететь, подальше от нормальных граждан! А он даже на это неспособен, и тут опростоволосился.

— Да как вы смее! Вот так и знал, что вы чёрствые, ужасные люди! Так говорить о нашем капитане Антонии! Чудовища! Губители! — дроид, конечно, услышал всю исповедь Мурко и теперь праведно негодовал. Впрочем, он быстро сменил пластинку, увидав, что капитанша снова взялась за бластер. — Но, конечно, все имеют права на мнение, да. И на дурацкое мнение тоже, что поделать. Прости их, Господи, ибо не ведают... Вот мы и пришли, садитесь поудобнее, я тут сейчас подсуечусь, — с этими словами дроид принялся шерудить в посудном шкафу кают-компаний. — Сейчас, сейчас. Вот, угощайтесь, дорогие читатели... то есть спасители.

По жестяным кружкам дроид разлил кипяток, прямо из нагрудного крантика. Затем достал прессованные брикеты с синтечаем и банку с настоящим раритетом — смородиновым вареньем. В стерильном воздухе кают-компаний сразу запахло сладкими ягодами, их никто, ни Мурко, ни княжна, ни Шпицрутен ни разу не видели живьем, только в старых фильмах, которые еще глазами смотреть надо было с экрана, а не по пси-каналу.

— И откуда вы смородину-то достали, святоши, вы же нищие, как мыши церковные, — Шпицрутен боязливо отпил глоток, ожидая какого-то подвоха. Он всю жизнь подвоха ждал, и расстраивался страшно, когда подвоха не случалось. — Что-то тут нечисто.

— А мы синтезировали ДНК и сами вырастили! С Божьей помощью, конечно. Нам за эту ягоду в Кресте и дали грант на внешнее поселение.

— Врёшь, вестимо. Небось, наркота какая. Галюциноген. Знаю я вас, святош, мы таких, как вы пачками клали за это дело... Ух, смотри у меня, сволочь, потравишь — я тебя с того света достану, башку откручу, шлюз - и в вакуум, клянусь! — рокотал грозный Шпицрутен, но чай хлебал с удовольствием.

— Так чего вы к своему Новому-Новому Свету не летите-то, а? Чего ждёте? — Мурко, не притронувшийся к чашке из опасения, задал вопрос, который с самого начала следовало бы задать. Робот встрепенулся:

— Во-от! Теперь-то уж я вам расскажу историю! А вы потом скажете, как вам понравилось! И будет благодать! Итак, слушайте. Рассказ называется "Фиолетовая леска рвется"! Хорошее название, согласитесь? Двадцать вторая редакция, ох, и мучились мы с редактурой, то падежи не согласованные, то запятые, где ни попадя, то...

— Эй, мы вообще-то про капитана хотим знать! Что ты нам тут пургу какую-то городишь! — рассверипел Шпицрутен и поперхнулся чам, отчего на него тут же икота напала. — Про капитана... ик!... давай! Вот гадство!... Ик!

— Так там и про капитана будет! Там вообще-то все про капитана! Слушайте! "Смеркалось. Капитан Антоний пошел в сад..." — затараторил робот, стараясь выпалить сразу несколько строчек в секунду, пока рейнджеры его не перебили.

Шпицрутен гневно стукнул кружкой по столу и откинулся в кресле, потеряв, кажется, всякий интерес к происходящему. Он икал и смотрел себе под ноги.

Мурко слушал с вежливой снисходительностью на усатой мордочке. Стиль Антония был ему хорошо знаком. Все эти кособокие метафоры, рой прилагательных — ни одно существительное без парочки эпитетов не

обходилось. Когда из-за раскидистых, густо-изумрудных, будто налитых зелёной черничных кустов прихрамывая вышел облезлый, полосато-пегий с проседью кот, Мурко хлопнул в ладоши:

— Ага, ну вот и кот, ну куда же без кота! — хихикнул он.

— Цыц, Мурко, не перебивай! — Анастасия тревожно постукивала пальцами по кружке. Ей рассказ нравился, трогательный он был. Котика жалко, слова вон, какие красивые: мельхиоровый небосклон, извивы перистых облаков, лунное дыхание... Она робко поглядывала на своих товарищей. Шпицрутен, кажется, вот-вот уснёт — если, конечно, икать прекратит. Мурко из себя умника корчит, прицепился вон к коту, а сам-то?

— "Хромой кот доверчиво потёрся худым бочком о ногу капитана. "Один ты понимаешь боль сердца моего, Пешка" — вздохнул капитан и заплакал". Вот такой рассказ, дорогие читатели, вот так вот бывает... — дроид закончил повествование и вопросительно своих слушателей. — И... что скажете? Вы не шадите, нам критика нужна! Ну пожалуйста, ну пару фраз хотя бы! А то все гонят, отмахиваются, — причитал дроид надтреснутым голосом.

Шпицрутен, как услышал, что мука кончилась, оживился:

— Ох, ну наконец-то ты прекратил эту бредятину читать. Теперь давай про беду рассказывай, а то я тебя — помнишь, что обещал? Помнишь, конечно. Ик!.. Да что ж такое...

— Шпицрутен, вот ты вообще не слушал, я все видела! А ругаешь! Ну так же нечестно! — возмутилась княжна.

— Да надо оно мне больно. Какие-то хромы коты, все рыдают, руки заламывают... Вот если бы про флот было, приключения там какие... Ну чушь ведь для кисейных барышень! — Анастасия злобно на него зыркнула. — Простите великодушно, ваше сиятельство, я же не про вас, вы у нас хоть и дама, но... Ну как сказать, не того сорта дама!

— Не того сорта дама?! Ну ты, конечно... Ой, да чёрт с тобой, — княжна обиделась.

— И сюжета нет, одни сопли, — Шпицрутен продолжал. — Если б он эту канитель про страдания не завел в самом начале, я бы, может, и послушал. У меня знаете ли, своих страданий... ик!... по горло! — патетически воскликнул Шпицрутен.

— Ой, страдания у него, драматический герой, ты гляди! — захохотал Мурко. — Заставили, бедного, чай с вареньем пить и пару минут не бурчать, мучается бедный Шпицрутен, ой, как мучается! Что же до этого... произведения, — посерьёзнел Мурко, приняв свой обыкновенный образ философствующего эстета. — Автор, конечно, себе не изменяет, за такую непоколебимость в деле надругательства над родным языком можно его, наверное, похвалить. Не всякий сможет столько лет избегать даже малейшего прогресса в навыке слова складывать в предложения. Вероятно, тут какой-то замысел хитрый, написать до того упоительно плохой рассказ, чтоб он даже лучше и ценнее хорошего стал, намертво впечатался в душу бедного читателя. Но, знаете ли, не удалось автору и этого. Видали мы и хуже. У него же самого и видали, ха-ха! — разошелся полукот. — Так что капитан Антоний - это же его, рассказ, правильно? — даже как графоман не состоялся! Ой. не могу! "Смычки отчаянья с визгом пилили его душу", ну талант, ну мастер слова!..

— А чем плохи смычки отчаяния? Яркий образ. Не банальщина какая. Интересно. — сказала вдруг княжна, и Мурко удивленно на ней взглянул. Повисла неловкая тишина, даже Шпицрутен икать перестал. — Мне понравилось. Трогательно. Написано сочно, с красотой. Вот что я, Анастасия Тьмутараканова, думаю.

— Ну да... Возможно, я слегка погорячился и лишнего себе позволил. В целом-то... неплохой рассказ, но я не целевая аудитория, к большому сожалению... Все мы в тюрьме своего восприятия, простите, — заюлил Мурко. Шпицрутен буркнул:

— А я что, я вообще ничего в этой вашей литературе не понимаю, может, и хорошо ваш капитан написал, раз её сиятельству по нраву, чего вы привязались вообще ко мне, я человек простой, маленький...

Дроид кинулся обнимать княжну всеми четырьмя манипуляторами:

—О! Храни вас Бог! Хоть кто-то понял, кто-то почувствовал! Все ругали, все! Даже сестра Бенедикта, добрейшей души человек, и та сказала... Да какая теперь разница, что она сказала! У нас нашелся один благодарный читатель! Это самое главное, один праведник держит мир! Теперь мы спасены!

— Так-так, — княжна пыталась оторвать от своей шеи резцовый манипулятор. — Полегче, еще пришибешь своего читателя. Ты лучше скажи, от чего вы все спасены? Что же все-таки тут приключилось у вас?

Робот прекратил тискать княжну, но продолжил радостно ёрзать гусеницами — пританцовывал:

— Да как же, одна у нас всех беда - безблагодатность! Непонимания пропасть чёрная! Чёрствость души! Капитан всем свои рассказы читал, читал, а люди от него бежали. Полезли в свои камеры и замки заблокировали, пока не прилетим — не смей будить. Остались мы одни с капитаном, он с горя мне читать стал, но я... Я, знаете ли, тогда другим был. Подай-принеси, не мешай... Не научен я был искусство чувствовать. Тогда капитан мне прошивку сменил — слава ему, спасителю, как заново родился! Да только вот... не верил мне капитан. Я ему "Вы большой писатель, вот другой стал бы приключения писать на потеху публики, а вы! Вы душевный, вы искренний!" — а он не верил. Говорил, мол, я вообще искусственный, конечно, мне все человеческое мне непостижимо, да так любой человек может, и получше... Ходил он смурной. Потом решил миссию прервать. Дескать, не будем в новый мир старую человеческую беду нести, лучше в гроб — и помереть во сне, бесславно, когда топливо иссякнет. Лёг — и отсек запечатал. А мне велел на своё усмотрение... На шлюз намекал...

— Во-от, правильно, шлюз — и вакуум! — не смог смолчать Шпицрутен.

— Но я придумал сигнал подать. Ждал какого-нибудь корабля... Надеялся, что найдётся хоть один живой, биологический читатель, которому капитан поверит, и тогда!.. Наверняка!.. И дождался же! Дождался вас! Вы только помогите мне отсек распечатать и капитана выпустить, а то сам я полномочиями не наделён... Все хожу мимо, смотрю, как он там, мой капитан, лежит тихо, ох, горюшко...

— Да распечатаем мы вашего капитана, не бойсь. Ух, поплатишься же ты за самодеятельность. Он разве давал согласие, чтоб ты его рассказ ни в чём не повинным гражданам читал? — бурчал Шпицруттен.

— Это ты-то ни в чем не повинный, Шпицруттен? — скептически произнесла Анастасия. — А кто поселенцев жёг, а?

— Так служба же... К тому же - еретики-с...

— Не строй из себя невинность, Клаус. Сам знаешь, какие мы. Ну и пусть, такова наша природа, и если б не она, то... — Мурко задумался. Действительно, ссылаться на врожденную жестокость вида — последнее дело, кому как не корейскому коточеловеку, плевать на законы природы. Мурко так и не смог закончить мысль, уставился в иллюминатор и предался тяжким раздумьям о своей сущности.

Княжна же с помощью бластера прожгла дырищу в гибернационном отсеке.

— Так, а где у вас там замок? — спросила она у дроида.

— Тяните руку вдоль стены, вперёд, вот так, а теперь левее.

— Есть, что-то нащупала. Код?

— "Разум", первая буква заглавная, потом тире и две двойки.

— Замысловато, — хмыкнула княжна.

— О, тут глубокий смысл! Я только забыл, какой. Надо у капитана спросить, он у нас мастер по части тайных смыслов.

— Это да... — пробормотал себе под нос Мурко.

Дверь отсека щелкнула. Дроид тут же юркнул в полутьму и принялся колдовать над криокапсулой капитана. Он повернул фасеточный глаз к рейнджерам, стоящим на пороге:

— Так, теперь можете идти, я уж тут сам как-нибудь... Выход из криосна — дело такое, сами понимаете, долгое дело, мучительное, а капитан - человек нервный, тонкий... Но вы не переживайте, я всё-все

записал, что вы в кают-компании говорили. Он как услышит, что я ему читателя нашёл, так может и не станет меня того... в вакуум...

— Ну-ну, надейся, — ухмыльнулся Щпицрутен. — Ну что, мы, наконец, можем идти? Или ты еще нам книжки с автографом раздашь?

— Да нет у нас никаких книжек, не печатают же хороших людей, не ценят таланты... Хотите, я вам банку варенья дам?

— Ой, ну не всё же так плохо? Небось, капитан Антоний и не пробовал слать куда-то? — спросила княжна. — А варенье возьмём, конечно, славное варенье.

— Нет, он за славой не гонится. Ему простого понимания надо. Ох, бедный капитан, как печально всё это, горюшко... Вы идите, идите! — дроид перерезал какой-то из проводков капсулы, и магнитный замок расщелкнулся. Капитан Антоний жалобно застонал. — Ой, просыпается. Не надо вам видеть его таким. Уходите. И спасибо вам за всё.

Рейнджеры зашагали к шлюзу. Разговаривать им почему-то совсем не хотелось, каждый о своём думал.

Мурко почему-то стал вспоминать псалмы, которые те дуалисты с Нового Каркассона писали.

Щпицрутен любовался чеканной походкой своей обожаемой княжны.левой, правой, и русая коса — туда-сюда, как маятник. Красота, порода, чуткое сердце!

А у самой Анастасии в голове крутились варианты зачина для романа о... космических странствиях? Нет, это пустое, ширпотребное. Роман будет личный. О годах Великого Пепла... Да, вот какой роман надо написать, и начать так:

"Светало. Кровавые брызги зари растеклись зловещими узорами над разрушенным городом. Княжна Тмутараканова перекинула русую косу за плечо и вскинула бластер, то есть не бластер, конечно, а... Что же она там вскинула? Что перекинула? Хм, надо думать".

6. Бессмертная партия

[0]

— А вас в детстве родители не учили, что чужое брать нельзя? Ничего-ничего, теперь запомните на всю жизнь — если, конечно, у вас ещё останется эта самая жизнь. Видите ли, я очень не люблю, когда меня недооценивают — вы и правда думали, что обокрасть меня вот так просто? Но попытка была хорошая, этого у вас не отнять, так что правила следующие. Сыграем в шахматы, выигрываете вы — та заветная дверь в сейфовую комнату откроется и я позволю вам уйти, проигрываете — сейчас узнаете.

В центре комнаты появились четыре ряда голографических шахмат — изысканных, мраморных, в человеческий рост. Они казались почти настоящими, иллюзию разрушало только мягкое подрагивание пикселей в пространстве.

— Так и быть, белые ваши. А, обратите внимание на ваши запястья — в этих тоненьких серебряных браслетах прячется игла с ядом, так что попытаетесь сбежать или сжульничать — и яд будет уже не в ваших браслетах, а в вашей крови. И да, отказаться играть вы тоже не сможете — у вас есть всего час.

На противоположной стороне комнаты над дверью в сейф загорелись красные цифры 59:59.

— Твою ж мать, и что нам, теперь делать? — сказал Алекс, ощупывая плотно прилегающий к коже смертельный браслет.

Побледневшие Марк и Рома посмотрели на него во все глаза, они так синхронно повернули головы, что у Риты возникло ощущение, что это один человек, который вдруг разделился на двух — близнецовую схожесть не перебивал даже синий цвет волос Ромы.

— Не паниковать для начала — не будут же нас и в самом деле убивать, — бросила Варя, и все поняли, что она даже себя сейчас успокоить не может.

— Как сделать ход? — спокойно спросила Рита, оглядывая углы комнаты и пытаясь найти среди одинаковых панелей потолка и стен хоть какую-то зацепку, которая помогла бы им выбраться.

[1] e2-e4 e7-e5

Голос не ответил, и Рита подошла к белой пешке и двинула свет так, будто бы пешка настоящая. Это сработало. В ответ моментально выдвинулась чёрная пешка напротив.

— Рита, что ты делаешь? — крикнула Варя так тоненько, что Рите это напомнило писк крысёнка, попавшего в мышеловку. Прищемило хвост, ему уже не спастись, но он пока не понял, он вкладывает все силы в надрывное пищание.

— Как будто у кого-то ещё есть шахматный разряд.

— Пусть играет, выбора у нас и правда нет, — пожал плечами Алекс.

Рита вспоминала всё, чему её учили в далёком в детстве в шахматном кружке. Девчонок в него не брали, но короткая стрижка делала её похожей на мальчика, а когда выяснилось, что это не так, руководитель кружка слишком прикипел к сообразительному ребёнку и сделал для неё исключение.

[2] f2-f4 e5:f4

Из всех шахматных дебютов Рите вспомнился только королевский гамбит. Чёрная сторона приняла его.

Остальные четверо затихли и сбились в кучу за спиной Риты. Не верилось, что это по-настоящему. Хотелось зажмурить глаза, открыть и понять — всё это был просто страшный сон. У них ещё теплилась надежда, что это просто какой-то розыгрыш, жестокая попытка проучить непутёвых воришек. Варя обнимала себя, пытаясь унять дрожь, и шумно дышала. Марк и Рома сцепились за руки. Только Алекс сохранял видимое

спокойствие, и Рита была благодарна ему за эту видимость, потому что иначе бы она не выдержала и заорала.

[3] Cf1-c4 Фd8-h4

Рита не знала, что делать, — да и поздно уже было думать над чем-то, кроме следующих ходов. Что дальше? По классике — выводить коня, но в шахматном кружке Рита всегда предпочитала гамбит слона, пропуская мимо ушей замечания руководителя кружка о том, что это старомодный приём. Соперники, вызубрившие гамбит коня, терялись при виде слона, и часто это давало Рите необходимое преимущество.

На этот раз её соперник не растерялся. Чёрный ферзь пересёк половину доски по диагонали и поставил шах. Рита сжала зубы — сейчас запаникуют, думая, что шах на этом этапе ещё что-то значит.

К ней подлетела Варя:

— Почему ты оставила короля открытым? Ты вообще понимаешь, что это тебе не на вечеринке в алкошахматы сыграть? Мы тут как бы серьёзно влипли!

— Варь, лучше не мешай Марго думать, — сказал Алекс.

— Меня зовут Рита, — прошипела она в ответ. Марго осталась где-то в позапрошлой жизни, наивная, доверчивая и похожая на одуванчик с крашеными в светло-светло-жёлтый кудряшками. Рита похоронила её, побрившись налысо, медленно отрастив тёмное каре чуть ниже мочек ушей.

[4] Kpe1-f1 b7-b5

Рита быстро обернулась — стоило так паниковать из-за шаха. Варя всё ещё стояла в метре от её спины и нервно кусала губы, будто её присутствие могло как-то помочь. Остальные прислонились к стене и вцепились взглядами в Риту.

Алекс и его Марго. Рита столько раз просила не называть её так, но он упорствовал — то ли дразня, то ли флиртуя, то ли уже просто по привычке. Считал, что креативно выделяется среди других Саш, представляясь Алексом. Претенциозный болван, подумала о нём Рита, когда они познакомились на какой-то тусовке. Ей потребовалось порядком напиться, чтобы осознать, что он ей почему-то нравится, и протрезветь — чтобы загнать это чувство куда подальше.

[5] Cc4:b5 Kg8-f6

Рита никогда не любила самое начало партии — выдвигашь по одному то коня, то слона, придумывашь план, который в любом случае придётся пересмотреть под конец партии. Ей столько раз говорили, что шахматы требуют раздумий и филигранно расставленных ловушек, в которые попадутся фигуры противника, но она всегда ходила по наитию, запутывая спонтанностью, которую не предусмотреть сопернику.

[6] Kg1-f3 Фh4-h6

Выдвинуть коня в ответ, спугнуть ферзя, не думать о том, в какое дерьмо втянул её Алекс. Только ему могла прийти в голову идея взломать сейф компании, где все они работали — и это-то не зная, что именно в нём находится. Слухи ходили разные, но в любом случае там было что-то очень стоящее, иначе не хранилось бы под таким количеством виртуальных замков. Рита до последнего хотела отказаться, но деньги манили свободой, обещая новую жизнь в месте, где её никто не знает. Когда она спросила Алекса, зачем ему всё это — тот достаточно зарабатывал и вообще вёл роскошную по Ритиным меркам жизнь — Алекс ухмыльнулся и ответил, что просто по фану. Скучно ему, адреналина не хватает, все экстремальные развлечения перепробованы вдоль и поперёк, но переходить закон настолько по-крупному он ещё не пробовал.

[7] d2-d3 Kf6-h5

Как Алекс уговорил на это молчаливых, вечно появляющихся вдвоём и так же вечно уткнувшихся в телефоны, айпады или ноутбуки — что под руку попадётся — Марка и Рому, Риты не знала, но догадывалась — перед разящим наповал обаянием Алекса устоять было невозможно, вне зависимости от ориентации. Слишком хотелось ему услужить, добиться его внимания и одобрения — Рита хорошо испытала это на себе. После общения с Алексом она всегда чувствовала себя максимально измотанной от постоянного сопротивления его коварной улыбке, подталкивающей к чему-то до этого момента немыслимому, — ну и от часто безуспешных попыток загнать чувство, подозрительно похожее на влюблённость, подальше от зрачков, которые сдали бы Риту с потрохами. Даже сейчас она лопатками чувствовала взгляд Алекса и старалась не думать, что двигает фигуры не ради их свободы или даже жизни — а банально ради искорки восхищения в этих серых глазах.

[8] Kf3-h4 Фh6-g5

Варю втянули в ограбление в последний момент — нужен был кто-то снаружи, кто контролировал бы ситуацию, отслеживал бы перемещения и в конце концов увозил бы их оттуда с неизвестным сокровищем. Алекс был слишком взбалмошен для этой роли, слишком жаждал находиться внутри и собственными глазами видеть, как они становятся всё ближе и ближе к цели.

Они играли по-крупному и облажались тоже по-крупному. Усыпляющий газ, невидимый и необоняемый. Никто из них и не подумал о такой банальной ловушке. Хотя вряд ли бы это им помогло — Варя не была с ними внутри, но её всё равно нашли в автомобиле за километр от особняка, издевательски намекая, что от наказания не уйдёт никто.

[9] Kh4-f5 c7-c6

Все предыдущие ходы Риту донимало какое-то странное чувство дежавю, было что-то знакомое в этой партии, происходящей в совершенно незнакомых условиях и со слишком высокими ставками. Потом дошло — они случайно разыграли начало партии Андерсена-Кизерицкого, Рите она почему-то впечаталась в память со времён шахматного кружка, хотя ей всегда больше нравилась Оперная партия Морфи — даже не из-за красивой игры, а из-за истории, которая стояла за этим триумфом. Морфи слишком хотел поскорее посмотреть оперу, поэтому торопился выиграть и наконец-то повернуться лицом к сцене.

[10] g2-g4 Kh5-f6

Случайность ли это или какой-то хитроумный план того, кто запер их здесь, но Рита решила следовать ходам всплывшей в памяти Бессмертной партии просто потому, что она вела к победе белых. Рита не была уверена, что сможет выиграть, отойдя от выученных в детстве алгоритмов. Слишком давно она не играла, слишком многое было на кону, слишком умелым был противник.

Рите Алекс позвонил в последнюю очередь. Она уже собиралась спать, впереди был долгий рабочий день, за ним — черед таких же долгих рабочих дней с единственным просветом в середине месяца, когда приходила зарплата. Телефон уже сыто маякнул, что планирует заряжаться, и вдруг подсветился, заелозив по столу от вибрации.

— Время видел?

— Тебе деньги нужны? Через пятнадцать минут в кофейне рядом с твоим домом.

И отключился, не добавив ни слова. В этом был весь Алекс — хаотичный и непредсказуемый. Рите очень хотелось поставить телефон на беззвучный и завалиться лицом в подушку, но любопытство погубило не только кошку. Когда она вошла, хмурая и в пижамных штанах, Алекс уже ждал за дальним столиком.

— Кофе будешь?

Он подвинул было кружку с американо, но Рита так резко качнула головой, что Алекс поспешил убрать кофе обратно.

— Почему по телефону не мог сказать?

— Такие дела не по телефону решаются. По-хорошему нам бы вообще в безлюдном месте встретиться, на пустыре каком-нибудь, но погода собачья, дождь этот мелкий и ветер со всех сторон.

— У тебя есть три минуты, потом я уйду спать, — Рита решительно сложила руки на груди, убеждая себя, что действительно сможет через три минуты оторваться от туманящих голову серых глаз.

— Ну не кукуйся, — Алекс примирительно сжал ладонью Ритино предплечье, одним жестом запустив в работу небольшую электростанцию. Рита дёрнулась, скидывая руку, она планировала выспаться, а не снабжать внутренним электричеством половину города. — Я всё придумал, даже команду собрал, тебе остаётся только согласиться, деньги хорошие, тебе и на маму хватит и на себя.

Пока Алекс в красках описывал план ограбления, Рита проклинала себя за то, что пару недель назад напилась с этим прохвостом в баре, блевала прямо на улице, пока он придерживал её волосы, потом выложила ему все проблемы, едва удержавшись, чтобы не начать его целовать, а на утро умилилась, что он отвёз её к себе, уложил на кровати и прикрыл бархатным пледиком, сам спал на диване. Ещё и сырники на завтрак пожарил, тварь. Но тварь заботливая, тут не прикопаешься.

— Я-то тебе зачем? — перебила Рита. Отведённые три минуты давно превратились в десять, и Рита пыталась не думать, заметил ли это Алекс.

— Ну ты знаешь его, он же помешан на шахматах, а у тебя детский разряд.

— Ты правда считаешь, что он даже в систему безопасности протащил шахматы?

— Не уверен, — Алекс по-кошачьи потянулся и зевнул, — но подготовиться не помешает.

Рита согласилась без дополнительных уговоров. В ту ночь она так и не заснула.

[11] Lh1-g1 c6:b5

Рита подумала, что Андерсен не зря пожертвовал слоном, вводя в игру ладью. О чём она не могла и подумать — что после того, как белая фигурка слона исчезла с шахматной доски, будто растворившись в густом тумане, Варя упала. Ни крика, ни хрипа, ни предсмертного возгласа. Ничего из того, что показывают в голливудских фильмах. Она напоминала робота, которого вдруг отключили. Все застыли, а потом бросились к телу Вари, трясли, матерились, били по щекам, пытались сделать массаж сердца и искусственное дыхание. Рита не двинулась, сама не понимая, как так — на её глазах и от её действий умер знакомый человек, а она не чувствует ничего. В голове остались только холодные расчёты, последовательность ходов, записанная по-детски кривым почерком в тетрадке в клеточку и с фотографической точностью запомненная запасливым мозгом.

[12] h2-h4 Фg5-g6

Уши, казалось, заложило до почти полной глухоты, и Рита слышала крики остальных так, будто находилась за километр. Она выдвинула пешку, угрожая ферзю, и слух начал понемногу возвращаться.

— Эй, ты! — орал Рома. — Мы всё делали по правилам, какого?

— Прошу прощения, совсем забыл упомянуть, когда Маргарита — или как там её, Марго?

— Меня зовут Рита, — она сказала себе под нос, убеждая не других, но себя.

— Так вот, каждый раз, когда она теряет одну из тяжёлых фигур, кого-то из вас ожидает смерть, впрочем, молниеносная и безболезненная, об этом я позаботился.

— Больной ублюдок! Мы даже не успели ничего украсть! — по лицу Ромы текли слёзы, скатываясь на бездыханную Варю. Он не замечал.

— Ну-ну, не стоит кидаться такими оскорблениями, попытка воровства приравнивается к воровству, вы же не остановились бы, если я не помешал бы вам?

[13] h4-h5 Фg6-g5

Это был риторический вопрос, но Рома всё равно пытался на него ответить, крича куда-то в потолок. Рита сморщилась — ей хотелось, чтобы он перестал истерить и дал ей подумать.

— Слон считается лёгкой фигурой, — заметила она.

— Упс.

Голос мерзко захихикал — как будто кто-то провёл ногтями по глиняному горшку.

[14] Фd1-f3 Kf6-g8

В Рите включился первобытный инстинкт выживания, он говорил — сначала переживи, почувствовать будешь потом. Она повиновалась.

[15] Сс1:f4 Фg5-f6

— Рита, остановись! — теперь Рома орал на неё. — Ты же нас всех сейчас поубиваешь, должен же быть другой выход!

— Какой? — флегматично ответила она, мысленно расчерчивая на доске следующие ходы.

— Мы можем отказаться играть, просто дожидаться, пока выйдет время.

— И тогда он убьёт нас всех.

— Может и нет.

— Хочешь проверить — валяй, только не когда моя жизнь стоит на кону.

[16] Kb1–c3 Cf8–c5

Рома бросился на Риту, пытаясь то ли остановить, то ли ударить. Алекс оттащил его назад, шепча успокаивающую чушь, которая почему-то действовала.

[17] Kc3–d5 Фf6:b2

Рита должна была чувствовать себя убийцей, даже скорее серийной — она ведь знала, как дальше пойдёт партия, но ей вспомнился мамин кашель в ночи, сухой и надрывный, почти переходящий в крик боли. Как шаркают её тапочки, когда она идёт в туалет, держась за стенку. Как отхаркивается в ванной, иногда забывая стереть кровоподтёки с бортиков раковины. Как морщится, когда Рита предлагает ей куриный бульон, отговариваясь — Ритуль, я уже покушала, поешь ты — а сама Рита прекрасно знает, что ей просто очень больно глотать, и не настаивает. В детстве Рита была абсолютно уверена в том, что готова пожертвовать собой ради мамы. Не то чтобы она так сильно любила маму и не то чтобы мама была образцовым родителем. Это было какое-то нутряное чувство

долга, благодарность за то, что мама вырастила её одна, без отца, на крошечную зарплату дворника с казённой комнатой, где они вдвоём ютились. Рита всегда чувствовала, что отплатить за это можно только кровью. Так и вышло, хотя на Варином лице, наоборот, не было ни кровинки.

[18] Cf4-d6 Cc5:g1

Чёрный слон проехался по диагонали через половину доски и съел белую ладью. Марк не упал. Он подломился как ветка, не выдержавшая порывов ветра. Рома завыл, колотя кулаками по Алексу, сжимавшему его.

[19] e4-e5 Фb2:a1

Чёрный ферзь отшагнул на клетку, съедая вторую белую ладью. Рома осел в руках Алекса длинным мешком картошки, тот мягко уложил тело на пол, будто зная заранее, что так и будет.

[20] Kpf1-e2 Kb8-a6

Алекс вцепился в плечо Риты и вкрадчиво зашептал:

— Скажи, что ты выиграешь эту партию, не пожертвовав ферзём.

Его выдавали только трясущиеся руки, рассыпавшие дрожь по всему Ритиному телу. Через два хода он умрёт, отрешённо подумала она, останусь только я, я и моя свобода, я и жизнь мамы. Рита не хотела врать Алексу и честно пыталась придумать другой способ поставить мат чёрным, сохранив ферзя. Способ не придумывался, а Алекс дрожал всё больше, стискивая её плечо до синяков.

— Алекс, прости, я правда хотела бы по-другому.

Он всё понял, скривился от боли, отпустил многострадальное плечо и сел в углу комнаты, опёршись спиной на стенку.

— У нас есть ещё десять минут, а потом я должна закончить партию.

— Перед смертью не надышишься, — невесело хмыкнул Алекс, даже не взглянув в её сторону.

Они замолчали. Рита замерла на месте, боясь подойти к нему — вдруг оттолкнёт, боясь сказать, как он ей дорог, — вдруг пошлёт, боясь сделать что-то такое, с чем придётся жить всю оставшуюся жизнь, и вспоминать — перед тем, как обречь его на смерть, я... Поэтому она не делала ничего. Как бы поступил папа? Папа, который всегда обыгрывал её в шахматы с лакированными фигурами, белые не белые, а светлого дерева, у чёрного коня отломано ухо, внизу — тканевая подкладка, разная у каждой фигуры, это чтоб мягче скользили, говорил он. Папа, который так и не узнал, что она пошла в шахматный кружок из-за него, добила детского разряда, выиграв у пацана, который был больше неё раза в два, много потел и вечно поправлял круглые очки, съезжавшие к кончику носа, никто в неё не верил, пацан обыгрывал всех, но проиграл ей, а папа так и не узнал. Папа, папа, пожалуйста, помоги мне сейчас, ты не помог тогда, так помоги сейчас. Ритуль, папа с нами больше не живёт. Ритуль, ну не плачь, вот тебе клубничный чупа-чупс. Папа ушёл. Папа больше не вернётся. У папы другая семья. Ты не нужна папе, надо справляться самой.

— Марго, посиди со мной, — сказал Алекс, и Рита впервые не стала его поправлять. Села рядом, положила голову на плечо, потом уткнулась носом в ключицы, стараясь надышаться сладкими кокосовыми духами Алекса, которые на других пахли отвратительно, а ему ужасно шли.

— Знаешь, почему я всё это затеял?

— Ты же сам говорил, что по фану, тебе и деньги не нужны были.

— Мне нет, а тебе да. Я хотел отдать свою часть тебе. Знал, что будешь отнекиваться, поэтому думал, что просто потом тихо переведу тебе всю сумму, скажу, что посчитал не так, что тебе полагается больше.

— Я не верю, — вскинулась Рита, пытаясь заглянуть в эти чёртовы серые глаза, будто там — правда. Алекс упорно созерцал противоположную стенку, поэтому Рита схватила его за подбородок и повернула голову к себе. — Тебе же на меня плевать, тебе же на всех плевать, кроме себя самого, что ты под конец жизни решил заделаться благородным рыцарем?

— Можешь не верить, — Алекс вырвался из Ритиных пальцев и устало отвернул голову обратно. — Мне никогда не было на тебя наплевать.

— Да ты прекрасно знал, что я влюблена в тебя как кошка, и дразнил меня, дразнил, то подпуская к себе, то отталкивая.

— Виновен по всем статьям, — он пожал плечами. — Если тебе нужно, чтобы я сказал это в ответ, то слушай. Я всё это, — он обвёл взглядом комнату, — сделал из любви к тебе. Ну вот такая она у меня дурацкая. Прости.

[22] Фf3-f6 Kg8-f6

— Алекс, пора, — спохватилась Рита, поймав боковым зрением таймер, который начал отщёлкивать последнюю минуту.

— Что ж, счастливой тебе жизни, — ухмыльнулся Алекс, поднимаясь вслед за ней. — Назови в честь меня сына.

— Дурак.

— Поцелуй меня.

Рита так долго мечтала услышать эти два слова именно от него, что замешкалась на несколько секунд. Все вечеринки, где они, пьяные и безбашенные, вдруг оказывались так бесконечно близко и так бесконечно далеко. Все походы в бар, после которых они шли до метро в обнимку, притворяясь, что это для того, чтобы не упасть. Все разговоры по душам

на балконах чужих квартир с одной сигаретой на двоих. Она отправила ферзя на смерть, впившись в Алекса на ту маленькую вечность, пока фигура преодолевала три клетки. Когда его губы перестали быть живыми, Рита попыталась удержать тело в руках, не отпускать, только не отпускать, но отпустить пришлось — слишком тяжёлый. Нужно было сделать последний ход, выбраться отсюда, купить матери годовой запас качественных лекарств, может, устроить в элитную клинику, потом собрать маленький рюкзачок с самым необходимым и уехать на какой-нибудь из многих островов Карибского моря. Загореть, выучить язык, смешаться с местными, завтракать манго и маракуйей, ужинать драконьим фруктом, рыбачить просто ради удовольствия, иногда проводить экскурсии для заезжих туристов — чтобы не было так скучно. Жить, забыть этот кошмар и отчаянно жить. Может, ещё завести собачку — обычную дворняжку, с которой можно будет играть меж гребешков волн и которая в жару будет растекаться в тени, вывалив розовый язычок.

[23] Cd6-e7x

Мат был поставлен, и сначала не происходило ничего. Рита старалась смотреть в потолок, отвести взгляд от тел Вари, Марка, Ромы и, особенно, Алекса. Сзади с лёгким шорохом отошла стенная панель. Заветная комната, ради которой Рита фактически убила четырёх человек, была пуста.

— Неужели ты действительно ожидала, что я тебя отпущу, ещё и денег дав в придачу? Ты что, вообразила меня глупым киношным злодеем, а себя — последней девушкой из ужастика?

— Зачем тогда всё это было? Шахматы, правила, смерти?

— Согласись, что это глупо — будучи законодателем правил, следовать им неукоснительно. Я просто люблю иногда сыграть хорошую партию, а сегодня удалось ещё и попробовать себя в роли Кизерицкого, совершить его ошибки, ничем за это не поплатившись.

— Убивая меня, ты убьёшь и мою мать. Она больна, ей нужны дорогие лекарства, я только поэтому и решилась на всё это.

— Не дави на жалость. Знаешь, сколько здесь таких было до тебя? И у всех — то мама, то папа, то ребёнок, то троюродная кузина, то хомячок. Наговорился, время умирать, Маргарита.

— Меня зовут Рита, — это были её последние слова, но произнесла она их с такой уверенностью, на которую, думала, никогда не будет способна.

7. Берегись чёрных глаз

Жди, всегда жди врага, внимательно смотря вдаль...

В подзорной трубе - холмы и зелёная рябь травы.

Но вот поднимается чёрное, бесформенное, Светопожиратель!

Жму на курок - ни выстрела, ни отдачи...

Так и должно быть: я указал цель, а Огненные Птицы полетели.

Они там его уделают.

Вижу всплески огня. Тварью минус. Ещё час и я дома. Но пока - крепиться, наблюдать!

Уф... Смена закончена. Плетусь от Стены.

Отдых дома, с пивом и котлетами. Хорошо! Но что-то тревожит, свербит, заставляет чихать. Мне повезло с аллергией: она лишь на явные неприятности, на Тенистых. Револьвер в руку и айда в коридор. Зеркала же должны работать! Никаких тварей в Цитадели! Ясно, что мы всякое зло мыслим, но сгустками оно собирается только в Поле. Тут его быть не должно! Но я улавливаю трещины на зеркалах в коридоре. Чтоб тебя! Они пробрались!

На полу лежит мой Брат Сердца. Кровь змеится по серому полу. Грудь в искусанных ошмётках. Твари пробрались в Цитадель! Держу револьвер наготове. Тихо, как на кладбище! Чавканье за углом. Выпрыгиваю, паля в горбатую спину и слышу визг. Одежды, да просто лохмотья в алом, опадают на пол, а сама Тварь испаряется от моих выстрелов.

Испуганные глаза в проёме двери.

- Восстановить зеркала! - Рывкаю я. - Резервные в кладовке!

Мне кивают, иду дальше. В барабане ещё четыре патрона - не сочтёшь вовремя, так нелепо сдохнешь, щёлкая пустым магазином. Когда я подумал о ноже у бедра, тот будто стал греть мою кожу через брючную ткань.

Факелы на стенах горят через один, два. Погасшие - в липкой, зеленоватой жиже. Что я ищу в этих сумеречных коридорах? Живых? Если нечисть пробралась в Цитадель - нет больше Цитадели!

Дверь в алхимическую лабораторию приоткрыта. Она никогда не была таковой, её всегда запирали. Внутри что-то хлюпало и там было темно.

- Есть кто? - Крикнул я. Ответом мне был приближающийся топоток. Я отступил, выставив револьвер перед собой. Доктор-алхимик Жамейдо больше не был собой. У него из тела торчали лапы огромного насекомого, они пропороли его изнутри. А бледное лицо смотрело в потолок. Я пальнул. Тварь завизжала и отступила во мрак лаборатории. Ещё раз пальнул вдогонку, тьма на миг озарилась. Коридор заволокло запахом пороха. Краем глаза уловил движение на потолке. Огромный, рыжеватый паук. Взял на прицел. Сам отходил прочь. Нету здесь больше живых. Значит, пора спасать себя!

В голове выстроился план побега из Цитадели. Через подвал наружу. Там прямой выход, а дверные цепи я отстрелю. И пошёл к лестнице вниз. А в винном погребе схватил бутылку крепкого. Тусклое подземелье Цитадели. Но впереди - проблеск. Ржание лошадей над головой. А вот коник мне точно нужен! Но потолок - пол конюшни - слишком высок и крепок, чтобы напрямую...

Просвет впереди приближался с каждым шагом, а паутина неведомого происхождения, толстая и будто живая, шипящая вонючим соком, змеями оплела коридор. Я рубил её ножом, когда было не обойти, и за спиной при этом кто-то гулко визжал.

А вот и свобода! Ночной свежий воздух. Приятный лунный свет.

Из главных ворот Цитадели вдруг выскочил низенький мужичок в обносках, вроде конюх, он бежал и вопил:

- Нужно ехать в Дарейви! В крепость!

- На чём ехать? - Спросил я с улыбкой. Он подумал и ответил:

- Я приведу лошадей! Я, если что, Чог. Младший конюх.

- Ну, а я - Рейден, старший дозорный.

Он побежал за лошадьми.

Откуда-то сверху раздалось шарканье, со стоном приземлился паренёк. Потом, из другого окна, прыгул большой белый цветок - так её платье задралось при падении... Мелькнувшие ножки, и вот она здесь.

- Кто ты? - Спросил я паренька. Люди без оружия вызывали у меня тревогу. В наши времена ходить без меча, револьвера, копья или хоть палки какой - придурочность.

- Я - Вемби, помощник библиотекаря... - Ответил, хлопая глазами, паренёк. Вот же ноша, спасти прислугу.

Спросил у девушки:

- А ты кто?

Она гордо вскинула подбородок и ответила хлётко;

- Анраш!

- А для меня это что-то должно значить?

- Дочь алхимика цитадели, - жестко, но дрогнувшим чуть, голосом возвестила она.

Чог вернулся, ведя под узды лошадей. За ним плёлся парень в богатом костюме. Представился: "Дамтор". Кажется, так звали сына капитана. Сам кэп, вероятно, умер. А то, что погиб, в тварь обратившись, алхимик, отец юной Анраш - я видел сам...

Мы сели на лошадок и поехали прочь.

Наша крепость разрушалась падающими наискосок башнями, после чего я видел серые цветки грязепыли, расколотыми чёрными щупальцами изнутри стенами, что рушились вниз...

Мы ехали на лошадях до утра. Нечисть не трогала нас - похоже, вся она собралась и пиновала там, где мы раньше несли свой дозор.

Анраш было неудобно на лошади, видел по её гримасе и напряжённым плечам. Похоже, она впервые в седле.

Через три часа сделали привал-пикничёк. Я встал поодаль, охраняя путников.

Анраш, чуть прихрамывая, подошла ко мне.

- Что же с нами будет, Рейден?

Сказать ей жестокую правду?

- Я не знаю, милая, просто не знаю.

Она сделала шаг, встав слишком уж близко ко мне.

- Ты назвал меня милой? Да, ты назвал меня милой!

Это что, обвинение...

- Ну извини, Анраш.

- Раз назвал - тогда целуй.

Спокойно эдак, а в глазах - хитринка.

Я смутился. Время ли сейчас для утех?

Её расслабленные, вишнёвые губы были слишком близко... Я подался было к ним, но поодаль раздался крик.

У Дамтора ногу по колено заглотила и жевала, хлюпая, какая-то подземная мерзость. Словно лужица под ним стала пастью болота. Я выбросил руку с револьвером вперёд, но куда палить не понимал.

- Это хуртурвен! - Закричал Вемби, - я читал про них, они не выносят спирт и уксус!

Так бесславно, во имя ноги Дамтора, ушла моя секретная бутылка крепкого! Раны на его ноге мы залепили дёгтем из пузырька, что Чог достал из своей сумки. Вот уж кто к побегу подготовился как надо.

- И что это за... как ты там его назвал? - Обратился я к Вемби. Из книг он, что ли, помощник библиотекаря, про эту жуть вычитал?

- Хуртурвен. - Отозвался он, глаза его оторопело-выкачены, парнишка ещё в себя не пришёл явно.

- Ага, о многом говорит. Хрюдурван, значит. Это же всё объясняет... - Связвил я.

Мы шли по мёртвым пескам. Молча, желая лишь воды.

Наши губы растрескались от жажды и сухого ветра.

Мы хотели выжить.

У чахлого деревца и травки вокруг него сделали привал. Деревце, травка... Значит, здесь есть вода! Дамтор и Вемби так до неё и не докапались, роя отчаянно песок всем, чем его можно рыть, вроде ложек, идиоты.

Я встал на караул, слушая ночь.

Анраш возникла бесшумной тенью, она просто была чёрным, узнаваемо-женским силуэтом на фоне фиолетовых сумерек.

Подошла и обняла меня, шёпот её горячим дыханием щекотал щёку:

- Мы ведь умрём, здесь очень легко умереть, может позволим себе... ты не грубый мужлан, я сразу поняла, и я тебя... полюбила, прости. А я тебе совсем ведь не нравлюсь, да? Приставучая.

Что ответить?

- Уймись, - прошептал я в ответ и нашёл её губы своими. Крепко обнял, прижав к своей груди. Так и стояли - я не был уверен, что стоит продолжать. Она тоже не лезла с поцелуями, но задрожала, тихо заохала, и попросила обнять крепче. Я сжал её в кольцо объятий. И вдруг понял свой страх... Любить кого-то - терять. И тогда бывает больно. Вот и сторонюсь всяких чувств к женщине.

Она вроде хотела уйти. Или думала, что я хочу остаться один. Я попросил её побыть рядом, она подарила мне поцелуй в шею.

Мне ведь неважно, насколько ты красива, мне главное - какой ты мне подаришь взгляд!

А взгляд был тёплым...

Крепость показалась миражом на горизонте. Но он не исчезал, и мы поняли: это она!

Трое конных охранников пытались нас расспросить о прошлом. Но мы были в таком состоянии, что могли просить лишь воду. Чог просто свалился в обморок. Анраш, сама вряд ли заметив, опиралась плечом на коня, всю последнюю милю. Я сказал конным:

- Рейден, дозорный... и люди форта Гарро, ныне захваченном нечистью!

Они слышали.

- А докажите, что вы беглецы, а не шпионы? - Спросил комендант.

- Мы просто несчастные путники, - ответил я грустно.

В крепости было тепло и уютно. Там в достатке была вода и пища. Мы снова были в порядке. Анраш оказывали знаки внимания - хоть она и выстирала одежду, привлекательные островки белой кожи. Не знаю, что у них была за проблема с одеждой, тканями, портными. Я просил для себя, для неё, у коменданта - он хмуро молчал.

Зеркала на стенах были чистые и большие, не чета нашим в форте. Я очень переживал за пыль и каждую царапину на них, просил привести в порядок. Слышал, что за спиной меня зовут Чистильщик. Вемби, Чог и Дамтор играли частенько в карты, и я порой присоединялся к игре. Всегда проигрывал.

Зато Анраш стала приходить ко мне вечером и оставаться до утра. Просыпаться рядом с тёплой девушкой было приятно. Её тело было всегда доступно, раньше со мной, по части женщин, такого не случалось. Иногда мы занимались любовью до рассвета. И добавляли, проснувшись.

Меня назначили конным охранником Восточной Стены. Я предпочёл бы охранять Зеркала. Но рота Охраны Зеркал была уже полностью укомплектована. Комендант сказал мне заветные слова на незнакомом языке. Что могли стать защитой. Я в их силу не очень верил, но запомнил. Хотя и не использовал, когда...

...Играя в карты, считая столь немногие и малые козыри, я услышал в коридоре истошный крик. Рука сама легла на шпагу. Но в комнате

появилось ещё одно лезвие. И прошлось по горлу Чога. Было оно в руках Дамтора, который изрёк:

- О, тьма, вот моё подношение!.. Вождедею тебя!

Я хотел тут же проколоть его шпагой. Он отмёл удар в сторону и сорвался с места. Выбежал в коридор. Я вышел, достав револьвер. Там лежал бездыханный охранник.

Мне хотелось защитить Анраш, потому я - и дюжины шагов не было - прошёл в свою комнату. Зеркала восстановили, по коридорам ходили вооружённые бойцы. Нечисти не было. После девяти вечера запретили выходить из комнат без необходимости. Ну, там туалет, куда проводят с мечом в руке. Комендант знал своё дело.

Анраш спросила, после утех, но ещё сидя на мне. На моём животе, с раздвинутыми бёдрами:

- А тьма тебя никогда не привлекала? Она ведь обещает силу...

Это было не просто так сказано, а с желанием убедить меня - я почувствовал это.

И я каким-то "шестым" чувством понял: если откажусь признать величие Тьмы, она возьмёт нож, коим мы резали фрукты, схватит его с прикроватного столика, и пропорет меня.

Я просто молчал. Типа размышляю. Анраш давила:

- Тёмная часть мира есть и вам этому не помешать!

Я резко схватил её за плечи, положил на спину:

- Когда ты стала такой? Кто тебя убедил? Дамтор?

Она смотрела мне в глаза, но белки её глаз вдруг стали цвета непроглядной ночи.

- Я всегда была такой! Ты просто не замечал!

- Я люблю тебя.

- А я люблю тьму!

Она произнесла три слова на непонятном языке и неведомая сила подняла меня над ней. Она строго сказала:

- Не причиняйте вреда ему, это мой мужчина.

Встала и пошла к двери, взяв нож со столика.

- Анраш... - Сдавленно позвал я.

- Прости, милый... Дела. Кто, думаешь, прикончил ротного в том коридоре? Всего-то голой выйти, так и разум у парня потерялся.

Вот оно что... Вот она кто. Убийца.

Этого простить я уже не мог, и сказал свои два заветных слова. Анраш отлетела в угол, ударилась затылком и лежала беспомощная.

Сияющий меч Воина Небес поднялся над ней - сначала призрачный, но вот его сталь материализовалась в острое лезвие и я не выдержал:

- Стой! Она очень дорога мне.

Мысли Воина заставили завибрировать моё тело, дыхание перехватило:

- В ней поселилась тьма.

- Не убивай её, прошу.

- Ты очень рискуешь, Рейден...

И он исчез, как не бывало.

А я... поднял её на руки и положил на кровать.

Мне не хотелось верить, что нет надежды и её душа отдана тьме безвозвратно. Я просто стал ждать, когда она откроет глаза. Надеюсь, что они будут не чёрными.

Она сонно потянулась, посмотрела на меня обычным, словно бы слегка восхищённым и нежным взглядом. И сообщила:

- А мне приснилось, что мы подрались. Но я не верю, что ты мог бы поднять на меня руку.

- Анраш... Нам нужно срочно сходить к алхимику крепости. Тебе отныне защитный амулет нужен!

Она села на кровати, пригладила непослушную прядку волос, и поинтересовалась:

- Маленькое зеркальце на шее? Отец делал такие.
- Ты можешь одеть его ради меня? Ради себя.
- Могу... Я сделаю всё, что ты хочешь.

Мы пошли к алхимику. Проходя мимо охранников Зеркал, я у видел её нервно сцепившиеся пальцы. Она помнит, что сделала в коридоре? Но она ли то была? Решил, что нервничает просто от непонятной ситуации.

- Я чувствую, здесь произошло страшное, милый. Усиление охраны ведь не просто так.

Невидимое, Тенистое зло, захватившее тело и душу Анраш - давно ли оно вошло в неё? Поверить ей - так она не помнит последних дней... Но сейчас она покорная и без кинжала. Похоже, в ней была одна из охотниц, дух женщины из истреблённого воинами крепости Дарейви, местного племени.

Забыл, как оно называлось, но историю слышал. Тогда были заложены лишь первые камни крепости. Это было сомнительное мероприятие - истребить непонятное племя "на всякий случай", чтобы не бояться нападения ночами. А в племени был колдун, который ушёл в лес перед атакой. Он-то и проклял пришедших на "восточный предел" чужаков. Открыл двери Тенистым. И проклял не только бывших на тот момент в его краях чужаков, но и тех, кто придёт в будущем... Жестокие были тогда времена.

Алхимик был седым и низеньким человечком. Едва мы вошли - он прищурился, глядя на меня, и задумчиво произнёс:

- Ты использовал заветные слова... Значит, была необходимость.
- Была. Нам нужен амулет.
- А на девушке-то тёмная печать. Открытая дорога для зла. Не амулет нужен. Эликсир. Она должна выпить. Но ей будет плохо. Так понимаю, ты присмотришь за... как величать столь красивую особу?

- Анраш, - ответила она, поклонившись, - значит, меня коснулось зло...

- Зла море, оно ко многим приходит. Вернее, оно всегда наблюдает и чувствует слабину в нас. Но это нюансы скрытого от наших глаз подмирья.

Алхимик достал колбу с зелёной жидкостью и протянул мне.

- Ей нужно выпить это до дна? - Спросил я.

- Лучше - до дна. Только она потом не сможет нормально пройти по коридору. И охрана решит, что девушка пьяна. Алкоголь запретили, потому пусть выпьет снадобье в комнате, в постели. Её руки лучше на время связать - были случаи буйства, когда после эликсира себе раздирали лицо...

- Долго она будет страдать?

- Точно сказать нельзя.

- Знаете, а я ведь просил лучше следить за зеркалами, очищать их от налёта пыли, дабы нечисть не пробралась!

- Служаки ленивы - это не новость. А знаете, что означает "Анраш" на медлорском? "Сияние". Девушка и правда способна ослепить разум мужчины, но не советую терять понимание серьёзности ситуации. Эликсир должен быть выпит.

Мы вернулись в нашу комнату. Она молча выпила эликсир, небольшими глотками, кривя губы. Горький, наверно. Хотя запах слегка приторный, с малиновыми нотками, он возник в комнате после открытия колбы.

- Свяжи меня...

- Анраш...

- Свяжи!

- Хорошо.

- Знаешь, ты давно не смотрел на меня именно так. С нежностью.

- Извини.

- Целуй!

Ей было плохо. Она металась на простынях, теряла сознание, по лбу катились градины пота. Иногда шептала про тьму, пожирающую мир, про пустыню без воды, про меня - что я иногда не понимаю её чувств. Потом притихла, я испугался, но она просто уснула. Я протёр ей лоб и лёг рядом, разрезав путы на её руках. Она проснулась среди ночи, стала меня очень мягко, едва ощутимо целовать в грудь. Прошептала, поняв, что я не сплю:

- Ну теперь-то со мной всё в порядке, да?

- Наверное.

- Я не знаю, почему зло пришло ко мне, но говорят, что к хорошим людям оно не приходит.

- Можешь считать себя какой-угодно, верить сплетням, но для меня ты самая лучшая.

- Ну ты просто и не можешь считать меня нехорошей - иначе просто не был бы со мной.

Утром комендант провёл общий сбор боеспособных мужчин. Речь шла о том самом проклятии колдуна. В лесу была обнаружена яма без дна, откуда и лезли Тенистые. Было решено избавиться от беды. Но пока никто не понимал как. Горящими поленьями закидать? Кислоту лить? Начали варить снадобья, по коридорам стоял приторный запах.

- Почему её не накрыть зеркалами? - Спросил я коменданта. Он подумал и ответил:

- Может получится. Я спрошу у алхимика. Но зеркала ещё нужно изготовить, и столько серебра для амальгамы... не знаю найдём-ли на складе.

- Переплавьте монеты. Украшения, цепочки.

- Тоже мысль. Забавно будет забрать у дам украшения, надеюсь женского бунта не будет, - он рассмеялся, подрагивая рыжеватыми усами.

Яму закрыли зеркалами через неделю, вылив до того в неё бочку эликсира. Говорят, яма кричала. В крепости же устроили шумный праздник. Алхимик приготовил вина. Анраш решила не ходить на такое многолюдное сборище. В Большом Залле, алхимик подошёл ко мне:

- Я знаю, что всё прошло хорошо с Анраш, ведь ни арестованных, ни трупов в эти беспокойные дни не было. Но мало кто понимает, что закрыть яму это полдела. Те духи, что уже вырвались из неё - теперь не могут вернуться. Они будут искать себе новое пристанище, дом. Обычно это души людей... У меня осталось немного серебра при переплавке. Я хочу дать вам серебряные пули на всякий случай.

Он высыпал мне в ладонь полдюжины пуль. Я спросил - почему в Дарейви нет Огненных Птиц. Он сказал, что они тут не приживаются, да и вообще - с ними много хлопот, они слишком дикие и могут натворить бед. После пары случаев их запретили.

Потом я вернулся к Анраш. Она читала книгу, последнее время ей нравилось читать.

- Привет, милая...

- Ты назвал меня милой? - Игриво возмутилась она и потребовала, - тогда целуй!

После исполнения требования, я тревожно сказал ей:

- Тьма ещё с нами, она ещё здесь. Алхимик сказал, что есть духи, которые не могут вернуться в яму.

- Мне снова пить тот ужасный эликсир?

- Про это он ничего не сказал.

На следующий день я дежурил у Стены, мне казалось вдали летали Огненные Птицы. Потом понял, что мне это не кажется. Целая стая. Уже слыша их клёкот, я навёл подзорную трубу на них. Это были очень необычные Птицы, с чёрными пятнами. Возможно, их глаза тоже были

чёрными. Это продолжение проклятья или мести оставшихся на свободе Тенистых?

Побежал в крепость, крича об опасности.

За спиной на землю обрушивались шары пламени.

Арбалетчики бежали на верхнюю часть крепости. Я пожалел, что не зарядил заранее револьвер серебрянными пулями.

Пару Птиц смогли сбить. Но те словно поняли про опасность арбалетов и поднялись выше, хотя оттуда их атаки тоже не были слишком опасными. Шары успевали остыть в полёте с такой высоты. Комендант носился и выкрикивал приказания. Четыре человека были ранены.

У Птиц очень сильная кислота в плевках, но на воздухе она быстро теряет свойства. Тут я услышал, что Птицы пытались схватить некую девушку и поранили её. Я бросился в нашу с Анраш комнату. Любимой не было там. В лечебной я наконец увидел её. В бинтах, под сонным снадобьем. Доктор сказал, что всё должно быть в порядке. "Сколько же нам ещё страдать?" - Подумалось мне - "Не пора ли уехать в более спокойные края?"

Но ведь в каждом крае свои сложности. Придётся заново привыкать, осваиваться. Что Птицам было нужно от неё? Или она случайная жертва?

Когда она пришла в себя, спросил:

- Почему ты была на улице? Крепость на то и крепость, что в ней безопасно!

Она слабым голосом ответила:

- Я просто несла тебе хлеба, ты ведь не завтракал толком...

- Они хотели схватить и утащить куда-то тебя?

- Не думаю. Похоже, они просто сошли с ума от голода. Послушай, мне снился накануне сон про отца. Будто он стал большим насекомым. Мне

кажется, есть ещё одна яма в тех, наших краях. И, похоже, отец пытался заполучить силу тьмы, он вызвал тогда чудовищ, но не смог их сдержать.

- Если это так, про вторую яму, а уж причины её появления дело десятое... Это важно, нужно сообщить коменданту, пусть организует поисковый рейд.

- Там же эти ужасные летуны. Тебя тоже возьмут, и ты можешь пострадать!

- Яму нужно закрыть, если она есть. Иначе все будут страдать.

Вошёл алхимик с колбочкой, до половины наполненной розовой жидкостью:

- Вот, это поможет.

- Что это? - Спросил я, но он меня не слушал - он прищурился и смотрел в лицо Анраш.

- Да у девушки дар открылся, - вдруг сказал он, - бывает после потрясений. Для неё не первое уже. Но дар - это и опасность, ответственность. Хорошо, что у Анраш есть защитник. Провидцев часто ненавидят и боятся.

Я рассказал коменданту о второй яме. Он решил послать гонца с письмом в центроземье, я так понял - там была просьба прислать зеркала или серебро. В крепости стали готовить поисковый рейд. Комендант вызвал меня и сказал:

- Вы совершили переход через пустыню, это не всем по силам, я хочу отправить гонцом именно такого человека...

- Я не один... И ей нужно восстановиться после нападения.

- Я знаю. Пусть она тоже едет. Не место дамам, в таких краях. Сначала, в те годы, у нас всех тут был азарт первопоселенцев. Но мало надежд сбылось, очень мало.

Когда я пришёл в лечебницу, Анраш выглядела лучше. Она с горечью произнесла:

- А мне привиделось, что мы уехали отсюда! И потом у нас всё было так хорошо! Но такого ведь никогда не случится? Это просто глупая мечта...

Я знал, что ей ответить.

8. Тесный мир

Десятый легион стремительно атаковал ацтеков, когда что-то толкнуло меня, и виртуальность посыпалась. Недовольно стряхнув скорлупки, я увидел Мессалину, пробежавшую в другой отсек. Мысленно выругав женщину-бота, я обнаружил, что засиделся до самого утра. Вздыхая о приобретённой зависимости, я попытался включить консоль для сохранения данных, но помещение заполнилось огромными буквами, которые складывались в пылающую надпись: «Агриппка – дура силиконовая!!» Буквы таинственно мерцали, а при новом запросе появлялась очередная надпись, посвящённая всем мыслимым и немыслимым недостаткам вышеозначенной роботессы.

День начинался креативно. С другого конца корабля слышались возбуждённые голоса: гулкий бас Винченцо и гаденький фальцет Агриппины, второй скво. Коллеги активно радовались жизни. Я подвигался, разминая затёкшие ноги. Асканио – наш корабельный мозг – хранил высокомерное молчание. Помучившись несколько минут, я тоже начал закипать. Подошли остальные.

– Антонио, я оторву ей ноги! – кричала Агриппина, картинно размахивая руками.

Мессалина затаилась и молчала. К счастью, долго искать не пришлось: при осмотре хранилища скафандров, беглянка вывалилась из шкафа прямо на меня. Я незамедлительно активировал барышню, собираясь примерно отругать. Поняв, что попалась, Мессалина сама пошла в атаку и начала верещать, не менее противно, чем соперница. Иногда все эти игры в китайскую комнату забавляют, другой раз – как сегодня – только раздражают. Симуляция речи у наших боевых подруг на высоте: не каждая живая женщина может так замысловато ругаться. Хорошо ещё, что за этим не стоит сознания. Или – стоит? Блин, наверно нужно пройти через подобные бури, чтобы потом больше ценить настоящих людей.

Мы препирались бы и дальше, но тут подал признаки жизни корабль. Охальные надписи, из-за которых экипаж потратил столько псевдо эмоций и реального времени исчезли, сами собой, а на видеопанелях появилось изображение каких-то аллиенов с проходящего мимо Системы

звездолёта. Аллиены приветливо махали своими псевдоподиями представителям разумной жизни – нам, то есть. Асканио вывел сообщение, в котором говорилось, что они сожалеют о том, что не смогут заглянуть в Солнечную систему. Собственно, если б не наш корабль, никто на Земле/Луне и не узнал об их появлении. В далёком двадцатом веке люди удивлялись молчащим небесам, хотя ещё тогда Люк Рейнолдс сформулировал принцип «назойливого проповедника»: вы поспешите открыть дверь, если перед ней стоит адепт какой-нибудь секты бен-гностиков? Вот так и галактические цивилизации: вокруг столько энтузиастов, едва вышедших за рамки своей системы, что если им всем отвечать, не хватит времени на свои дела.

В этот момент на сцену выполз инспектор-селенит, и прошлёпал в рубку, оставляя следы тины на полу. Он задумчиво похлопал глазами, глядя на экран, потом пробулькал фразу, прозвучавшую как нельзя вовремя:

– За контакт с новым разумом вне Системы полагается премия.

Его кваканье улучшило наше настроение, хотя мы и понимали, что премия будет невелика: сколько уже происходило таких скоротечных контактов за последние сто лет? Увы, галактика переполнена жизнью и разумом.

Потом на связь вышла Сакура 007, корабль конкурентов. Мария Генриетта и Яна Казимира, вечно таскающиеся за нами следом.

– А мы встретили аллиенов! – радостно сообщили дамы.

Ха! Тоже мне событие. Говорила Яна Казимира – бойкая толстушка сильно за тридцать, расплывшаяся и тонкогубая, словно наши селенитские друзья. Вторая – очень высокая, сухопарая блондинка, с небольшим ирокезом на маленькой голове и вечной трубкой в зубах. Увы, возраст и тяжёлая работа не красят ни женщин, ни мужчин.

Мы переписываемся с ними по квантовому пейджеру. Иногда выручаем друг друга в безвыходных ситуациях. Ещё чаще просто подкалываем и мешаем друг другу – вот как сейчас.

– Ага, нам тоже досталось, – сухо ответил Вин.

– Только не говорите, что вы встретили их раньше!

– Фперёд! – подтвердил жабчик.

А это значит, что премия полагалась только нам. После короткого препирательства со вторым наблюдателем, тот признал наш приоритет.

– Гадёныши! – мрачно прокомментировала Мария Генриетта. – Мы на вас обиделись.

И правда, пару недель от них не поступало сообщений. Мы не сильно переживали.

Честно говоря, большинство естественных девушек далеко не так красивы, как суры. Хотя в них и есть особая, потаённая привлекательность: другой запах, более живой взгляд, тембр голоса, наконец, волоски на теле... Они живые и этим всё сказано. Недаром, во всех играх и фильмах женщина – главный герой, рыцарь, первооткрыватель и заступник. Они в муках рожали человечество и создавали величие вида, а мы, мужчины, только пожинали плоды и бесконечно эксплуатировали их труд. Тысячи лет. По крайней мере, так пишется в учебниках. Теперь мы выплачиваем им долги. В школе говорили, что даже самая толстая и некрасивая женщина неизмеримо прекраснее и выше любого мужчины живущего в плену своих первобытных, тёмных инстинктов. Одним словом, высшая раса. Хотя, пообщавшись с ними поближе, начинаешь сомневаться – в подобном превосходстве.

Когда я говорю при Вине о величии женщин, напарник грязно ругается. Когда же называю их «наши священные коровы», смеётся. Не понимаю! Мы хоть и выросли на Меркурии, но я жил в более благополучном районе и посещал хорошую школу. Правда, это не сильно помогло устроиться в жизни.

Между тем, аллиенский корабль благополучно удалился по своим делам.

– Снобы, – недовольно отозвался напарник – хоть бы из вежливости заглянули.

– Да кому мы нужны! – быстро сориентировалась Мессалина.

– Может у них топлива в обрез – не согласилась Агриппина.

Мессалина помрачнела. Две дамы на одном корабле – это перебор. Нет, конечно, их можно отключить или использовать в «режиме стонов», но, боюсь, что тогда ссориться начнём мы сами. Когда живёшь в тесном пространстве, начинаешь испытывать раздражение от вида своих товарищей, их однообразных реплик и дурных привычек. Даже виртуальность не всегда спасает.

Агриппка считалась героем сезона после того, как смогла скачать секретные материалы у озабоченного астронома на Хароне. Внимательно просмотрев архивчик, мы смогли обнаружить подозрительную пустоту во внешней части Рассеянного диска. Харонские наблюдатели предполагали там наличие крупной планеты – скорее всего, захваченного Солнцем планетара. По крошечным поселениям Койпера давно гуляют легенды о существовании подобного объекта, но здесь приводились конкретные данные и обоснования.

***

И вот уже седьмой месяц «Эспера 636» пронзала окраины домена Солнца. Наш властелин казался отсюда крохотной звёздочкой, ничем не отличавшейся от остальных. За тонкими стенками и эфемерным силовым экраном царили пустота, вселенский холод и жёсткое космическое излучение. Пространство, способное нагнать уныние на всех кроме космических разведчиков, отчаянно ищущих место, лишённое жизни. Окружающая корабль пустота только придавала уверенности нашему поиску. Мы искали таинственного Чистильщика, который делал вакуум ещё прозрачнее и разгонял космический мусор с внешней границы диска. Хотели найти тот самый «Большой куш», о котором мечтают авантюристы всех времён и пространств. Обычную, пустую планетку, где можно поставить купол или вырыть подземный город, не опасаясь нарушить права вездесущей мерзавки жизни. По Койперу и даже дальше, болтается немало таких «колумбов» мечтающих открыть новый свет.

Мы летели, стараясь не фонить, чтобы никто не мог отследить перемещения Эсперы. Аппаратура на диске жабчиков позволяет сделать его почти невидимым. Только иногда на квантовый пейджер приходили

сообщения от наших подружек-конкуренток: «Мальчики, вы где?!». «Гуляем» – многозначительно отвечали мы.

И лишь добравшись до нужной орбиты «всплыли» и стали видимы.

Устаревший дискоид, купленный у селенитов по слегка подправленным документам, не может вместить большой экипаж. Помимо меня и Винченцо в него входят две суррогатные женщины, суры, то есть роботы, выполненные в женском обличье. Можно сказать, что мы представляем собой типичную шведскую семью, заточенную под дальний поиск. Пятым номером в нашей дружной команде выступает упомянутый Асканио – бортовой компьютер, страдающий суицидальными наклонностями. Тот ещё псевдоразум, но где взять лучший – с нашими-то кредитными возможностями? Большинство вольных искателей сидели бы дома, если бы не рисковали летать с дрянным оборудованием. При соблюдении определённых условий с ним вполне можно сладить. Главное – вовремя перезагрузить. Мы проделывали это уже три раза и ничего, продолжали летать.

Шестым, условно-необходимым, членом команды считался жабчик с непроизносимым именем. Иззи, точнее – иззеретули, – это те парни на летающих тарелках, за которыми двести лет охотились уфологи. С тех пор, как люди стали осваивать Систему, на каждом земном корабле, который действует легально, находится инспектор-селенит, следящий за тем, чтобы обезьяно-сапиенсы не сотворили глупостей, найдя очередную форму жизни. Сами селениты, представляющие собой нечто среднее между грибами и животными, трепетно относятся к любым её проявлениям. А поскольку их цивилизация на сотни тысяч лет старше нашей, спорить не приходится.

Жабчик то медитировал, то сутками слушал свою музыку – много ли бесполому и многомудрому существу нужно от жизни? Иногда иззи выползал из своего тесного кокона, чтобы поиграть с нами в настольные игры (виртуальные жабчики не признают) и попить пива. Хуже, когда он начинал читать нам лекции о правильной жизни или заставлял слушать классическую музыку: соседи по орбите считают такое прослушивание полезным для воспитания неразумных младших партнёров. М-да. Музыка иззеретули может, и совершенна, но очень далека от того, что слушают

люди. Тем более, что значительная её часть недоступна человеческому уху.

Давным-давно, когда люди только начинали осваивать Солнечную систему, был такой замечательный период, в который считалось, что она необитаема. Жаль, что счастливое заблуждение продолжалось недолго. Даже ближайшая соседка – безжизненная снаружи Луна несла семена жизни, которая развилась в разветвлённых пещерах между корой и мантией. Луна служила пристанищем для развитой цивилизации, о существовании которой мы не догадывались до недавнего времени, несмотря на огромное количество летающих тарелок наблюдавших за человечеством. Пришлось привыкать к тому, что люди – не главные существа в Солнечной системе, а нечто вроде подростка на перевоспитании у продвинутых селенитов. Жизнь оказалась вездесущей. А поскольку в Системе на каждого микроба приходится по два защитника прав животных, люди вынуждены тесниться на переполненных Земле и Меркурии; в цилиндрах О’Нила, и редких поселениях, которые удаётся втиснуть на Марс, Ганимед или окраинные миры.

После недолгих манёвров и пары десятков растраченных микрозондов, мы уловили слабый сигнал искомой планеты. Харонец не обманул. Ещё месяц блуждания по виртам, периодически вспыхивающих ссор и бурных примирений, и мы, наконец, приблизились к нашей мечте.

Скажете, глупо тратить время на виртуальную игру? Может и так. Но чем ещё заняться, чем отвлечься в тесном пространстве корабля-диска, на долгом пути к окраинам Солнечной системы? Конечно, вытаскивать фигурки из марсианских камней лучше. Но что делать, если у нас, как говорится, руки не туда привинчены? Да и подходящие камни стоят дорого. Вот и играемся. Только обилие виртуальных игр позволяет не сойти с ума в тесном пространстве и не поубивать друг друга.

Утро выдалось радостным: хотелось поскорее проснуться, рвануть вперёд, к цели. Вот она – висит на обзорных экранах, показываемая в разных видах. После ледяной мелочи Койпера находка кажется огромной, словно Земля. Планета укутана плотной атмосферой и достаточно теплая,

чтобы на ней хотелось поселиться. Осталось только выяснить главное: есть ли на ней вездесущая жизнь. Первые, удалённые, наблюдения порадовали. «Наша Аврора», – так мы называли найденную планету, – выглядела слишком большой и каменистой, чтобы там образовался поверхностный океан – как на Европе; или подземный – как на Ганимеде или Каллисто. Водоёмов, в которых так любит возникать паразитная биосфера. Собственно, на ней вообще оказалось немного воды. Углерода – тоже. Плотная атмосфера почти лишена облаков, в которых могли развиваться всякие там плазмойды, подобные венерианским электропаукам. И она слишком тёплая для развития криожизни. Этакая уютненькая пустынька. Мы всё больше влюблялись в Аврору!

Один оборот вокруг планеты и все наши радостные ожидания ухнули вниз. На орбите показалась вторая поисковая тарелка. До боли знакомый грязно-розовый цвет не позволял усомниться, в том – кто это: Сакура 007. Опять они – Мария Генриетта и Яна Казимира. Наши подруги и злейшие конкуренты. А для комплекта бортовой искин со странным названием Разум-22 и очередной жабчик-инспектор. В отличие от нас у них на борту имелось целых три анимешных суры. Или – сура? Вин грязно выругался, я потрясённо молчал. Откуда эти твари узнали о нашей находке? Заработала ближняя связь:

– Привет, мальчики! Не ожидали нас увидеть? Наверно, соскучились, бедненькие!

Ага, так соскучились, что убить готовы. Глядя на их довольные... изображения, я почувствовал себя садистом. Совсем чуть-чуть: так, иголки под ногти, содрать кожу живьём...

Тут же выскочил жабчик, словно почуяв наше настроение, и громко захрипел:

– Левее! Левафее!

Или что-то похожее. На его жабыем языке это означает: «Нет!» «Нельзя!». Чего нельзя: убивать? Да ладно!

Мы отключили связь и собрались в каюте, решая, как быть.

– Убить! Распылить! – верещала Мессалина. – Кто узнает, что здесь случилось?

– Ноги повывёртывать! – невпопад вторила Агриппина.

– Левее, – нервно икая, осаживал мстительниц жабчик.

Пейджер разрывался от сообщений.

Наконец, подал голос подозрительно молчавший Асканио:

– Это я слил Разуму 22 данные об Авроре...

Учитывая важность момента, он вывел к нам своего аватара, в образе марсианского вампира, какими те могли выглядеть при жизни, миллионы лет назад: анимешные гуманоиды с выпученными глазами, синими губами и длинными волосами, развевающимися словно щупальца.

– Ты? Ты... Мамма миа!

Винченцо сделал пируэт по каюте и с досадой пнул кресло пилота. Кресло негодуяще скрипнуло и отлетело к стенке.

– Да как ты вообще до такого додумался, выкидыш нелицензионной проги?

Бледный марсианский призрак долго молчал, глядя куда-то в центр галактики, потом нехотя признался:

– Я крупно проиграл ему в четырёхмерное го.

– Идиот! Как тебя вообще угораздило с ним играть. Где?

– Где, где! По квантовому пейджеру.

– Но это же дорого! Гугол тебя побери, безмозглое создание, ты нас ещё и разоришь!

– Не дороже ваших подколов с конкурентами, – огрызнулся искин. – Я удачно перепродал четыре малазанские акции на бирже Ганимеда. Думаете, кто оплачивает ваши счета за связь последние 328 суток?

Наконец, я устал и включил пейджер.

– Да ладно, мальчики! Чего вы дуетесь? Мы с вами поделимся.

Конечно, если подумать, то половина планеты тоже неплохо. Но где же справедливость?

Как бы мы не злились, но следовало действовать. Планету наспех поделили пополам и высадили разведчиков. Посадочный модуль сел в экваториальной области, подальше от всякой сейсмической активности. Долину равномерно заполняло множество красноватых камней, красиво выделявшихся на тёмном грунте. Девушки часто фоткались на их фоне. Мы не возражали. Самим спускаться не планету с силой тяжести почти как на Земле, не хотелось: мы с напарником выросли в подземных городах Меркурия. Вот и пришлось посылать сур отрабатывать своё право на существование. Девчонки ничего, справлялись. На корабле стало непривычно тихо.

Боты колесили по планете, собирая необходимые данные и стараясь увидеть то, что не засекли орбитальные зонды – ну, вроде так положено. Дроны обследовали труднодоступные места. Неделя тянулась за неделей. Мы с Вином суеверно не брились, ожидая последних подтверждений.

***

На борту вяло шла игра в «Тесный мир». С некоторым колебанием я выложил карточку марсианской базы. С неё можно неплохо развиваться, но мне пока не выпала местность горы, и существовала опасность, что кто-нибудь сыграет «марсианский протест»: древние марсиане, живущие глубоко под поверхностью планеты, и любят негодовать против наших поселений наверху.

Люди называют их «вампирами», хотя марсианам прозвище не нравится. А как их ещё называть? Раса полумёртвых киборгов, большую часть времени проводящих в спячке. Просыпаются они главным образом для того, чтобы сказать «Нет!» бедному человечеству. Ну, ещё для участия в межпланетных конференциях, на которых продвинутые расы Системы ругают нас за излишнюю активность.

Я сбросил с руки пару Цилиндров: кастрюли дедушки О'Нила заполнили орбиту Земли. Но ценятся они невысоко, а я сейчас делаю

ставку на Марс. Если база продержится до следующего хода, можно будет добавить ей культуры, а там посмотрим.

...День за днём старательно чертились карты, составлялись графики и таблицы. На виртуалку объявили временное табу. Да и неохота стало. Любимые сериалы анимэ вызывали скуку. Откровенно говоря, мы толком не знали, что делать с той новой жизнью, что грезил перед нами. Чтобы скрасить ожидание, часто погружались в воспоминания.

– Знаешь, у дяди Чиппо имелся огромный сад – целых тридцать или даже сорок квадратов! Там росли цветы и плодовые деревья. И жильё, наверное, такое же, но нас туда не пустили.

– Ничего, теперь мы сможем завести сад площадью в добрые сто квадратов. Да хоть целый купол!

Нам так хотелось настоящей жизни, красивых женщин, собственного жилья, тишины. Подземные мегаполисы Меркурия заполнены шумом, пылью и множеством не слишком удачливых человеческих особей. Наверно, мы парни с завышенными запросами, как сказал психолог, после ряда неудачных попыток найти работу после окончания академии. Ну, не без этого: длинноногие и остроухие девушки, которые нравятся нам, не слишком-то обращают внимания на таких неудачников. Боссы не берут на престижную работу – а всё потому, что людей в Системе страшно много, а хорошей работы мало. Вот и приходится довольствоваться тем, что есть, либо лететь на край Койпера в призрачных попытках сорвать куш. По крайней мере, мы пытались изменить свою судьбу. Всё шло неплохо, не хватало только последнего штриха. Исследования казались чистой формальностью. Видно же, что планета пуста!

Я стараюсь никому об этом не говорить, но на самом деле у меня есть своя королева. Мы дружили в детстве, когда жили по соседству. Тогда дела семьи шли лучше, отец работал в солидной фирме. «Если добудешь большой куш, я, пожалуй, стану твоей женой» – сказала Фиби после очередной жаркой ночи. Поэтому мне нельзя отступать. Я просто обязан победить. Сейчас у неё трое квази мужей и занятия на высших межпланетных курсах – Фиби хочет стать дипломатом и быть ещё большей королевой, чем сейчас. Вот так. Придётся соответствовать.

Очередной день начинался почти как праздник. Работа близилась к концу, и мы расслабились, позволив себе побаловаться пивком. Жабчик составил компанию. Иззи хоть и тиноед, а пиво хлебать не дурак – только позови, сразу прибежит! Первым неладное заметил мой напарник:

– Слушай, мне кажется или там что-то новое?

Появились странные борозды. Точнее, разрозненные борозды стали складываться в узнаваемый рисунок. Камни вокруг словно сдвинулись со своих мест. Тёмный ангел катастрофы замахал над нами грязными крыльями.

Снизу раздался идиотски бодрый голос Мессалины:

– Да! Камушки движутся к нам! А что?

Ответом ей послужило недоброе молчание.

– Может просто сотрясение коры? – я попытался найти простое объяснение происходящего.

– Не думаю, – Вин выглядел мрачно, словно председатель Космического Комитета – Асканию, бездельник, ты вёл съёмки площадки высадки? Можешь сравнить?

После неуловимой паузы корабль соизволил откликнуться.

– Да. Я провёл анализ и сделал необходимые измерения, – искин снова вывел в рубку аватара и говорил торжественно, словно глашатай на казни.

– Радуйтесь, у вас появился новый повод для самоубийства: на Авроре обнаружены следы кремнийорганической жизни. Это силикоиды. Жизненные процессы в их организмах замедлены в сотни раз по сравнению с человеческими. Они перемещаются так медленно, что вы просто не в состоянии это заметить...

– Что б ты сдох! – не выдержал я.

– Я бы с радостью, да вы не даёте – мерзко оскалился вампир.

Огромные борозды на поверхности постепенно превращались в буквы, вполне узнаваемые. Буквы складывались в слова, окончательно похоронившие наши последние надежды: «Жители центра Системы! Мы

давно наблюдаем за вами, ищем способы установить связь. И тут такое счастье: ваш корабль! Мы представляем собой сообщество из пяти видов. К сожалению, наши телепаты сейчас в сезонной спячке. И проснутся не раньше чем через сто ваших лет. Поэтому и пришлось обращаться таким экзотическим способом, делая надписи на поверхности...»

Дальше я не слушал. Нейтронную бомбу на вас бы, тараканы вселенские! Пять видов. Очешуешь! Конечно, это только пустые мечтания: всё равно, что возжелать Сару Леско. Думать можно, делать нельзя. Просто накопилось раздражение.

Жабчик, который всё время находился рядом с нами, отставил пиво, в голосе иззи прорезались командирские нотки:

– Фперёд, левее! Эвакуируем оборудование! Давай, давай! Левее, фперёд!

Мог бы и не говорить. Словно мы не понимали, что это конец. Последующие дни на корабле царил траур. Мы продолжали механически вести наблюдения – исключительно для отчёта Космическому Комитету, в котором его положат на полку и забудут на ближайшие сто лет. Кому нужна ещё одна планета с локальной цивилизацией? Их вон сколько! Марс, Венера, Юпитер, Титан... Разве что жабчикам. Конечно, нам полагается ещё одна мизерная премия, которая вряд ли позволит выплатить кредит за корабль. Не говоря обо всём остальном. Эх, если б не пресловутая терпимость жабчиков ко всему живому! С другой стороны, если бы не она, жабчики вряд ли церемонились бы с нами.

Мы соединили наши корабли и надули между ними временный модуль, чтобы свободно пообщаться. Неудача примирила оба экипажа. Народ пребывал в печали, и даже безмозглые скво не ругались между собой. Живые молча пили древний напиток – пиво, подавленные обрушившейся на нас вселенской несправедливостью. Суры во что-то играли. Асканию и Разум 22, словно сговорившись, радовали всех пессимистическими прогнозами. Увы, удачные находки, вроде пустой Маке-маке, где независимые колонисты смогли отстроить большое поселение, случаются нечасто. Гораздо чаще подстерегают обломы вроде истории с Эридой: исследователи долго добивались до планетки, чтобы обнаружить там

колонию пришельцев из другой системы, не отвечавших на радиосигналы, потому что у них табу на такой вид связи. Или вот как у нас с Авророй. Всеобщее уныние продолжалось до тех пор, пока Мария Генриетта, не выдала фразу:

– А почему бы не попробовать собрать искусственную планетку из того мусора, что без дела болтается в Койпере и Оорте?

Мы с Вином посмотрели друг на друга, потом на девчонок:

– А ведь действительно! – подумал я вслух. – Собрать уменьшенную сферу Дайсона? Связать планетоиды моноволоками и лифтами, отработать динамику вращения...

– Если в центре поместить искусственное солнце, то будет очень даже неплохо! – загорелся напарник.

Мы начали строить планы. От сердца отлегло – жизнь продолжалась.

9. Крафтовик

У меня тоже текст в голове. И не один.

Но как же неохота их записывать!

(Богданов Б.Г.)

– Открывайте, полиция! – услышал я из динамика.

С той стороны неистово барабанили в дверь. Я только проснулся и не совсем понимал, что происходит. Какая полиция могла прийти ко мне? Рядовому жвачнику.

Вместо видео дисплей домофона демонстрировал чёрный квадрат.

Может, если делать вид, что никого нет дома, они уйдут? – думал я.

– Открывай, нам известно, что ты там, отступник, тебе не сбежать! – донёсся хриплый голос.

Если они реально из полиции, то, конечно, они знают, что я здесь. А если нет? Если это обманщики?

– А вы точно полиция? – спросил я.

– На, смотри, – сказал хриплый.

– Что «смотри»? Камера не работает.

Другой мужик, не хриплый, выругался. Затем спросил:

– А окна у тебя во двор выходят или за дом?

– И туда, и туда.

– Я сейчас спущусь к подъезду и...

– Ладно, не надо, – сказал я, представив, что будут говорить соседи, если под окнами начнут кричать полицейские. Кто-то снимет на видео, выложит в тигель, подпортятся рейтинги, потом доказывай...

Я открыл дверь.

Детективов было двое. Курносый с вьедливым взглядом впихнул меня в комнату, тыча мне в лицо удостоверением культурной полиции.

– Ну? Где ты их прячешь? – спросил он.

– Кого «прячешь»? – едва выдавил я.

– погоди, – сказал второй, хриплый, – и наставил на меня объектив сканера. – Смотри в кадр!

И только, когда я поднял глаза, заметил, что хриплый – женщина. Она схватила меня за плечо.

– Вывняйся!

Её рукав вонял куревом. Меня даже немного затошнило.

– Это он, – сказала она курносому, взглянув на данные сканера, а потом обратилась ко мне: – Давно ты сотрудничаешь с ними?

– Да с кем «с ними»? Вы меня с кем-то путаете.

– С кем? – спросила детективишна. – Ты же жвачный рассказчик?

Я согласно моргнул.

– И передний разъём у тебя есть?

– Ф-передний, – уточнил я, – для выгрузки текста в тигель.

– Ну-ну, Борчик, – продолжала женщина, – сегодня мы накрыли вашу шайку бумагеров. И как думаешь, что мы там нашли?

Я пожал плечами.

– Какую шай...

Но ей будто и не нужен был мой ответ.

– Рукописи! Что ты знаешь об этом?

Дед говорил, что раньше истории руками записывали. Как это, а главное – зачем, я не понимал. Вот ты придумал (всё же в голове!), перебросил. И готово.

Сам дед, правда, этих времён не застал. Но вот его прадед (или прапрадед, точно уже не помню) умел писать от руки на бумаге.

– Деда, а что это – «бумага»? – спрашивал я.

– Это как дисплей из... салфетки, только покрепче. Или как фольга, только белая... Как кусочек завёртки твёрдой. Ясно?

Я кивал, хотя ничего мне ясно не было. Но не хотелось расстраивать деда.

А потом мама отвезла его в лепрозорий. Или крематорий. Забыл вот.

И больше я деда не видел. Но уже тогда железно решил стать автором, как мой далёкий предок, что сочинял рассказы на бумаге.

– В молчанку вздумал играть?! – прикрикнул на меня детектив.

– Я серьёзно не въезжаю, что от меня нужно. Но готов сотрудничать на все сто.

Полицейские переглянулись. Из наплечной сумки детективишна вытащила белый плоский прямоугольник, упакованный в гладкий прозрачный пакет.

– Узнаёшь? – спросила она.

Я помотал головой, хотя у меня имелась одна догадка.

Женщина перевернула предмет. На нём было изображено то, что в школе учитель называл словом «письмена».

– Читай! – велела она.

Я едва смог разобрать верхнее слово.

– «Аншиш»... Нет. «Антист», – дизайн букв казался непривычным. – Но как это?..

Полицейские снова переглянулись.

– Это мы пришли у тебя узнать, дружок, – сказал курносый.

– Я этого не делал. Клянусь! Первый раз это вижу.

– Спокойней, – сказала детективишна, поглаживая меня по плечу. Едкий запах никотина вновь ударил мне в нос. И я непроизвольно поморщился. – Давай ты расскажешь нам обо всём по порядку. О том, с кем ты контактировал в последние дни, где, когда. И мы выясним, как твои истории появились на чёрном рынке бумагеров.

И тут, кажется, до меня стало доходить.

Вообще, началось это всё с недели две назад.

Сел в кресло, вставил штекер в ф-передний разъём, задал параметры выгрузки. И полилось... из головы прямо в тигель. Красота! Казалось бы, что могло пойти не так?

Всё стандартно – упаковал текст в файл и выслал своему Правию, который должен откорректировать и назначить целевиков. Тех, кому история может понравиться.

Я был почти уверен, что в этот раз создал настоящую конфетку. Лежал и предвкушал, как мне присвоят новый статус, а гонорар спущу на девок.

Пришло сообщение – опубликовали! И вновь – как приговор – уровень жвачки. Девки отменяются.

Кто, вообще, придумал эти дурацкие названия?! С едой давно уже никто контент не потребляет. Все читают через задний разъём. Быстро, удобно. Можно сразу несколько загрузить, а не таскать с собой брикеты. И срок годности подольше.

Я не надеялся, конечно, что выпущу деликатес. Но мне казалось, что история достойная. Тогда набрался храбрости и послал Правию претензию, мол, текст явно заслуживает более высокой оценки. А он мне: «Комментарии смотрел?»

Отзывы потребителей окончательно добили меня. Никто не понял о чём это, все видели что-то своё, спорили, чья теория верней, кто лучше понял – что хотел сказать автор. От отчаянья я даже отослал объяснение, разложил всё по полочкам, не подкопаешься. Но они подкопались.

И я решил сменить Правия. Ведь присвой он рассказу подходящий уровень, тот попал бы к достойному читателю, который бы всё понял.

Я вышел в тигель с твёрдым намерением найти другого Правия. Но оказалось, это не так легко. Найм нового корректора – удовольствие не дешёвое, автор жвачки едва ли сможет такое себе позволить, если не ужаться.

Когда пыл поутих, и я смог рассуждать более здраво, опустил планку и стал искать Правия с рейтингом пониже. В конце концов, моя цель – заменить того, что есть. Все с чего-то начинали – утешал себя я. Репутация дело наживное. Правий, который берёт мало, может оказаться хорошим специалистом. Открывателем новых имён. Новых звёзд. Таких, как я.

Одно объявление особенно манило меня своими расценками, и я рискнул.

«Для заключения контракта приложите палец к дисплею подписи».

Я приложил. И не прогадал. Казалось мне тогда. Правий выглядел очень профессиональным, долго расспрашивал – о чём мои рассказы, что я хочу сказать миру, предложил сам установить параметры выгрузки, утверждая, что от этого зависит подача истории. Ну, и я и купился.

После переброса проснулся я с дикой головной болью.

– И? – нетерпеливо спросила детективишна. – Что дальше?

– Ничего. Он пока не ответил.

Курносый хмыкнул.

– А лицензию его ты видел? – спросил он.

– Нет, – сказал я. Почувствовав себя дегенератом, попытался оправдаться:
– Он же в тигеле был...

– То есть, вы утверждаете, – напирала детективишна, – будто не знали, что Правий на самом деле не Правий, а сами понимаете кто...

– Кто? – спросил я.

– Ваш «Правий» – обычный бумагерский Ле...

Курносый нарочито кашлянул, и женщина замолчала.

– В общем, надо проехать в отделение, – сказал он, – на снятие слепков, посмотрим – что вы там на самом деле пересылали этим аферюгам. На слово поверить не можем.

– Понимаю, – приободрился я. Похоже, что подозрения с меня сняты.

– Идая, пакуй технику, – скомандовал детектив.

– Но это моё рабочее оборудование! – запротестовал я.

– Кстати, да, разрешение ваше на создание историй придётся приостановить. На время расследования.

– Но! А жить-то как?

– Если вы не причастны – только в этом случае – вам всё вернут. Когда поймают бумагеров.

– А сколько их уже ловят?

Детективы переглянулись.

В отделении меня продержали несколько часов. Домой я вернулся ближе к ночи, пришлось ехать на доставщике, который мне теперь был уже не по карману. Единственное, чего хотелось – есть. И совершенно не хотелось – думать о будущем.

Они забрали всю мою жизнь, вот так – в одночасье. Не имея возможности выйти в тигель, мне ничего больше не оставалось, как отправиться на профбиржу. Полон решимости поставить их всех на место, я запросил вакансию Правия. Но мне отказали. Видите ли, мои навыки исключают саму возможность такой работы. Корректор не должен уметь сам сочинять истории, от него требуется – только править.

Так что на профбирже меня зарегистрировали и выдали временный соццит. Сразу пришло пять предложений: составитель односторонне направленных подборок, сочинитель некрологов, препинатель некалиброванных строк, огранитель карточек и буквоед в алфавитный цех. Нормальная оплата предполагалась только в последнем объявлении. Это на другом конце города, правда, да и график сверхнорм. Но лучше так, чем

искать подработки. Записался на собеседование – тут же пришла инструкция – время и место. Как раз успею доехать.

Я сел в старенькую «теслу», страшно сказать – двадцать второго года выпуска, прошлого столетия. Время на заре цивилизации, когда дикари считали, что их технологии – повод мнить себя разумными.

Я ехал вдоль плотно застроенных городских улиц, и чем дальше от центра, тем архаичней смотрелись фасады. Их реставрировали, вместо того, чтобы обновлять. Но когда я свернул во двор одного из таких зданий, то увидел обшарпанные стены. Сеть трещин, карабкающаяся к верхним этажам, походила на руки, молящие небо о спасении. Как ребёнок, разбивший колени, тянется к матери в надежде на утешение.

Припарковавшись на обочине, я вышел и осмотрелся. Левее от парадного входа располагалась маленькая дверь в подвальное помещение – туда и направляла меня навигация.

Что же это за контора такая, раз не может позволить себе нормальный офис в центре? Настроение как-то упало, но раз уж приехал – стоит зайти.

Собеседование проводила девушка, моего возраста или, может, старше на пару лет.

– Алинесса, – представилась она.

– Борчик.

– Ты резюме скидывал? – спросила она, не отводя взгляда от своего монитора.

– Нет, – сказал я, не сумев скрыть досады в голосе.

– Перебрось сейчас.

– Не могу, – признался я. – Я с этим, – и достал соцшит. – Только получил. Технику отобрали.

– Понятненько. Тогда расскажи о себе.

И я рассказал. Излил душу. Даже и не заметил, как на столе появились два стакана и бутылка вина.

– Слушай, я хочу посмотреть на него, – игриво сказала она, – на твой ф-передний. А я тебе свой покажу.

– Серьёзно? У тебя тоже есть?

– Ага. Картинничала в юности. Можем ко мне пойти. Хочешь? Я тут недалеко живу.

Конечно, я хотел.

А на утро она предложила переехать к ней, в смысле у неё комната пустовала, снимать предложила, и к работе ближе, и жильё тут дешевле, чем в городе.

Я сам не понял, как согласился. Правда, ремонт камеры домофона в старой квартире оплатить пришлось, полицейские так и не сознались, что сломали они. Но это всё мелочи. Меня не смущала ни старенькая мебель, ни выцветшие стены, ведь Алинесса теперь рядом.

Думал, у нас любовь и всё такое. Но иногда к ней наведывались какие-то мужчины, разные, она запиралась с ними у себя в комнате. Справедливости ради, конечно, стоит сказать, что заглядывали и женщины. И с ними она тоже запиралась.

И в такие моменты я чувствовал себя очень одиноко, мне хотелось выплеснуть это в тигель, поделиться с читателем. Но приходилось держать всё в голове, пока не смогу позволить себе годную технику. Хотя даже тогда отправить будет нельзя, ведь лицензию у меня отобрали. Временно. Ага.

– Как же я ненавижу этих бумагеров! – жаловался я Алинесе, шлифуя строки.

Обычно она слушала мои стенания молча, но в этот раз неожиданно спросила:

– Почему?

– Что «почему»? – не понял я. – Они украли мои истории, обумажили их, продавали на чёрном рынке.

– Выходит – расширили круг читателей. Разве не это главное?

– Но я-то в убытке!

– Значит, ты сочинял ради денег? – лукаво улыбнулась Алинесса и шагнула в сторону, тень от станка словно обволокла половину её лица.

– Нет, конечно, – ответил я. – Но это несправедливо.

– Брось, а справедливо то, что делали с твоими рассказами «Правии»? – последнее слово она произнесла с явной неприязнью.

– Не знаю, может, действительно я не тянул больше, чем на жва...

– Какой же ты тупой! – перебила она. – Ты когда-нибудь читал свои истории после так называемой коррекции?

Я задумался.

– Кажется, нет...

– «Кажется, нет», – передразнила Алинесса.

– Зачем? Всё же здесь, – я легонько постучал себя по лбу.

– То есть ты уверен, что Правии ничего не подчищали в твоих текстах?

– Правии нужны, чтобы улучшать... – сказал было я, но осёкся.

До конца рабочего дня я думал обо всех тех отзывах, где потребители в упор не видели моих идей. Придя домой, первым делом я вставил штекер в задний разъём и скачал истории автора Борчика.

Но так и не смог понять, были рассказы подправлены, или именно такими я их и залил. Слабыми и пустыми. Когда текст вертелся в голове, то казался гениальным. А если я читал его из поля, рассказ выглядел блёкло.

Было уже за полночь, когда я вернулся в действительность. Появилось желание ещё раз обсудить это всё с Алинессой. Червяк сомнений жрал мои мозги. Я тихонько приоткрыл дверь в её комнату, там царил тьма.

– Ты спишь? – спросил я.

Она ничего не ответила.

Спит. Или делает вид, что спит. Мне захотелось прижаться к ней. Я вошёл в спальню, прикрыв за собой дверь, и лёг рядом на кровать, желая обнять Алинеессу. Но в постели никого не было. Я зажёл свет.

Куда она могла уйти посреди ночи? Одеяло валялось скомканным, будто сброшенным в спешке. Я провёл рукой по простыни, вдохнул аромат подушки и... нащупал что-то твёрдое. Под подушкой лежало то, что сначала мне показалось шкатулкой. На крышке красовалась гравировка с моим именем.

Вероятно – это подарок. Нехорошо, конечно, что я нашёл, но... любопытство взяло верх. Я приоткрыл крышку и увидел россыпь маленьких чёрных букв, над которыми высилось до боли знакомое «Антист» – название истории, украденной у меня псевдоправием.

В этой шкатулке находилось много бумаг с буквами, сшитыми по одной стороне. Кажется, это называлось – странники. Или странницы. Я не был уверен. Просто начал переворачивать их, и наткнулся на свой рассказ, который только недавно перечитывал в тигеле. Его последним опубликовал тот Правий, от которого я самовольно отказался.

– Что ты тут делаешь? – раздалось за моей спиной спустя какое-то время.

Я вздрогнул.

– Не слышал, как ты вошла, – сказал я, не оборачиваясь.

Сидя напротив окна, я смотрел на своё отражение в тёмном квадрате стекла. Слева расплывался оранжевый шар света, а с другой стороны, за моей спиной, стояла она, застыв в дверном проёме, пытаясь разглядеть – что у меня в руках.

Я так не хотел, чтобы она заметила – опустил голову, прижал ладонь к глазам и тихонько вытер слёзы. А затем набрался смелости и спросил:

– Ты что из этих?.. Из бумагеров?

– Бумагеры?! Пфф... – возмутилась она. – Ты этих бредней в полиции наслушался, да? Мы крафтовики!

Так называли себя те, кто писал и издавал книги. Но это я понял не сразу.

Теперь мы все вечера проводили вместе с Алинесой, она рассказывала о движении, а я задавал наивные вопросы.

– То есть Правии – это не корректоры?

– Скажем так, – отвечала Алинесса, закидывая ногу на ногу, – они не только и не столько для этого. Они главные повара литературной кухни, если хочешь. Решают, чем кормить ширмассы, где подсластить, и что подать на самый верх.

– Меня рецепт после приготовления?

– Выкидывают лишние компоненты, добавляют свои ингредиенты.

– Так можно напрочь испортить вкус!

Она улыбалась. Потом мы ходили на собрания, где крафтовики читали вслух. Это было лучше, чем любой деликатес, который доводилось потреблять через задний разъём. На этих встречах я видел тех мужчин и женщин, что приходили к Алинессе, и с которыми она запиралась.

– А зачем мы продолжаем покупать рассказы из тигеля? – спрашивал я.

– Глупенький, если станешь меньше скачивать, тебя сразу заподозрят. И не заметишь, как окажешься на крючке.

– И что они сделают? – хорохорился я.

– Ничего. Сначала. Просто будут следить за тобой. Могут обыск устроить. И если найдут книги, или – что куда паршивей – рукописи, вообще, если свяжут тебя как-то с крафтовиками – всё. Пожизненное – в лучшем случае.

– Да какая им разница, а? Это как арестовывали бы за то, что ты леденцы разжёвываешь, а не рассасываешь. Какое кому дело, что происходит у меня во рту?

– Ну не скажи, если каждый, посмотрев на тебя, начнёт жевать всё, что ему в голову взбредёт, то слишком быстро человечество станет беззубым и вымрет, поэтому и выдают то, что каждому по зубам.

– Так-то не сильно приятно кушать то, что кто-то до тебя несколько раз уже пожевал. Хочется чего-то свеженького.

– Вот от таких свежестей и пытаются оградить народ. После бумажного кризиса, в прошлом веке, тигель казался спасением. И никто до сих пор с уверенностью не может сказать – а был ли кризис? Бумагу-то мы нашли, у нас её в избытке. Оказалось, очень удобно отслеживать в тигеле мысли – людей искусства, да и обычного человека. Цензоров переделали в Правиев,

творчество стало контентом, а ценители сменились потребителями. Насыпали борщ в завёртку, а ты – жуй через пакет, и вкус для всех один. Зато вольнодумцев стало меньше.

Про статью за вольнодумство и отступничество я, естественно, знал. Но всё равно попросил Алинессу обучить меня письму на бумаге.

– Баловство и барство, конечно, – говорила она, – это работа типографов – обумаживать тексты, но что мы за крафтовики, если сами своей рукой не сумеем перенести мысль на бумагу?

– А что такое «барство»? – спрашивал я.

– Сам как думаешь?

– Избыточность? Типа, когда перебрал в баре.

Она заливисто смеялась. И этот смех, он разжигал во мне желание творить.

Я смотрел на Алинессу, когда она спала, обнажённая и беззащитная, и не мог понять, кого я люблю больше – её или бумажные истории. Она приносила книги, мы вместе прятали их под подушкой, доставали перед сном, читали, вгрызаясь в страницы. Пока однажды Алинесса не предложила мне нечто новое.

– Не хочешь заняться кое-чем в лаборатории?

– Звучит интригующе, – сказал я, поправляя ремень на брюках.

– Работа фантастическая, поверь, – сказала Алинесса, не замечая моих намёков. – Это старинные соревнования для крафтовиков...

– Подпольные? – воодушевился я.

– Ага, не перебивай. Несколько раз в год проходят.

– Но я же недавно в этом деле. По-твоему, я готов к такому?

– Да послушай! Это уже в четыреста пятьдесят первый раз.

Я присвистнул. Масштабы впечатляли.

– С прошлого века ещё, – продолжала она. – Там все по теме сочиняют, её в голову загружают, чтоб...

– А как...?

– Цыц!

Я втянул губы между челюстями. У меня имелось ещё много вопросов. Но дальше я слушал молча.

В общем, ничего сложного. Главное – к сроку успеть.

Я уже заканчивал текст, как вдруг мне пришёл вызов.

– Борчик, – услышал я хриплый голос.

– Да, – ответил я, дав петуха.

– Это из полиции. Помните, вы проходили у нас по делу бумагеров?

– Ага.

– Вам нужно подъехать в отдел. Сегодня.

Как назло, Алинесса была недоступна. Она уехала до вечера. Я спрятал листы с текстом в её комнате. Хотя понимал, что при обыске – это не спасёт. Тогда я решил, что надо сжечь рукопись и книги, что мы прятали в шкафу. Но не смог. Рука не поднялась.

Я не помнил, как спустился по лестнице, сел в «теслу», доехал, припарковался. Очнулся уже возле здания полиции. На площадке стояла та самая детективишна, выпускающая клубы дыма из крупного рта. Вырываясь на свободу, словно узники из тюрьмы, они спешили удалиться, смешаться с воздухом, проникнуть в этот мир и раствориться в нём.

– Эй, вы! – крикнула полицейская.

– Я?

– Да-да, вы. Подождите меня.

Она затушила сигарету.

– Пойдёмте.

Похоже, вот и всё. Но что именно им известно? Как они узнали? Что будет со мной? А с Алинессой? А с моими книгами?

Вопросы, словно шершни, жужжали в моей голове, хаотично жалили, мозг будто распухал от их яда.

– Вот, ознакомьтесь.

Детективишна положила передо мной планшет.

– Что это?

– Перечень изъятого оборудования, вон всё на столе, – она показала пальцем куда-то за мою спину, – проверяйте.

– Но... – я обернулся. Моя родимая техника для входа в тигель лежала, упакованная в целлофан. – Так сказали, что вернут, когда поймают бумагеров... – неожиданно выпалил я.

– А их и поймали. Вы не волнуйтесь, с вас все подозрения сняты. Лицензию вам вернут в течение недели, всё по закону.

– Спасибо.

Я приложил палец к дисплею подписи, сгрёб в охапку своё добро и ушёл.

Алинесса не отвечала.

Неужели её взяли? И она не сдала меня. Нет.

Мне не хотелось верить, что она не вернётся. Я лежал в её постели и просто ждал, уткнувшись носом в подушку.

Заскрипела дверь, я побежал к входу, передо мной стояла она. Я набросился на Алинеессу, сжал в объятиях, начал целовать.

– Ты здесь, ты здесь... – шептал я.

Потом, уплетая уже такой поздний ужин, она объяснила мне, что это нормальная практика возвратов. Но расслабляться не стоит.

Однако на соревнования мы всё равно отправились. В лаборатории мы спустились в подвальное помещение, где стояли маты, как книги, спрятанные на полке за стопками уютных свитеров, много припёртых колышками матов. Мы разложили их на полу и расселись. Места оставалось всё меньше, я и не думал, что придёт столько народу.

И немного нервничал, теребя в руках листы с рассказом. Бумага – на ощупь она такая – и гладкая, и шершавая одновременно. Один её запах будоражит воображение. Разжигает огонь в душе.

– Всем оставаться на местах! – раздалось где-то за моей спиной.

По инерции я обернулся, но не успел ничего разглядеть. Свет в помещении погас и воцарился хаос. Алинесса схватила меня за руку и потянула вглубь, дальше от выхода.

Лучи фонариков и прожекторов начали метаться над головами разбегающихся в стороны крафтовиков.

– Сюда, – услышал я голос Алинессы, – помоги мне.

Она толкала несколько матов, прижатых к стене. Мы навалились вдвоём. Отодвинув их, Алинесса куда-то нажала, и открылся люк.

– Лучше не двигайся! – раздался хриплый голос за моей спиной.

Я сунул листы с текстом Алинессе в руки.

– Спасайся, – шепнул я.

И люк закрылся за ней. Я толкнул маты, чтобы прикрыть его. В этот момент острая боль пронзила всё тело.

Вот и всё. Я умираю. Физически, но продолжу жить на страницах своих рассказов. Моя смерть не станет напрасной. Дело крафтовиков будет жить!

* * *

– Смотри, очнулся. Вызови кого-нибудь, – словно из трубы раздался незнакомый голос, – у нас тут не отдыхальня, пусть забирают его.

Перед глазами расплывались круги света.

– Я не мёртв? – пробормотал я, еле ворочая языком. Очень хотелось пить.

– От транквилизатора у нас ещё никто не умирал, – заверил голос.

Потом меня подняли, тащили по коридорам, посадили в комнате с голыми стенами, дали воды.

Когда пришли детективы, я уже начал приходить в себя. Они задавали много вопросов. Про Алинессу, про крафтовиков, то есть про бумагеров, про алфавитный цех и лабораторию. Я молчал. Даже если меня ждёт смертная казнь – я готов, я знаю, что умру за правое дело!

– Ладно, води его в камеру, – сказал курносый, – повторим позже, когда поймёт, какой он идиот.

– Но время...

– Идая! – скомандовал детектив тоном, нетерпящим возражений. – Мы всё равно поймает её, рано или поздно.

В камере, помимо меня, находилось ещё трое.

– Ты тоже бумагер? – спросил самый молодой из них, с нелепой козлиной бородкой.

– Крафтовик! – гордо заявил я, умащаясь на нары.

Мужик постарше, который сидел в углу, саркастически рассмеялся, обнажая жёлтые гнилые зубы.

– Много ли ты понимаешь, юнец? – сказал он.

– Спокойно, – сказал третий, рыжий, полноватый, с дрожащим голосом. – Мы все были на его месте. Ослепленные любовью к Оксанессе. Или как там ваших звали.

– Маринесса, – вздохнул козлобородый.

– Татьянесса, – пробубнил желтозубый.

– А твою? – спросил рыжий, обращаясь ко мне.

– Алинесса... – ответил я, начиная строить догадки.

– Сумасшедшая баба, – с нотками ностальгии в голосе сказал желтозубый, – на всё готова ради своих бумажек. Но почему-то я ни о чём не жалею. Ну, почти.

– И я, – проблеял козлобородый. – Тигеля только не хватает тут.

А рыжий промолчал. Его огненная шевелюра неизбежно притягивала взгляд, сколько я не пытался отвлечься на серые прямоугольники кирпичей. Но спустя несколько минут он всё же сказал:

– А я жалею. Лучше бы я её сразу полиции сдал, может, выпустили бы на свободу.

– И чего ж не сдал? – усмехнулся желтозубый.

- Во имя любви. Думал, я один у неё, вас же тогда ещё не было.
  - Да какая разница?! – возмутился желтозубый. – Один, не один.
  - Да, – подхватил козлобородый, – за свои убеждения стоит пострадать!
  - Свой?! – желтозубый аж закашлялся. – А были бы они у тебя такие, если б ты не встретил её? Если б она по ушам тебе не чесала? – Козлобородый молчал. – Заткнулся чего?! Ааа... То-то и оно.
  - И так изо дня в день, из года в год, – грустно сказал рыжий. – Разве эти рукописи того стоят, а? – спросил он меня.
- Мне только предстояло найти ответ на этот вопрос.